

Король-демон

2

ВСЕ СКАЗКИ МИРА

Виктор Ночкин

Виктор Ночкин
Все сказки мира
Серия «Мир короля Ингви»
Серия «Король-демон Ингви», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140429

Аннотация

Все слышали о королях в изгнании... А что делать демону в изгнании? Да то же, что и обычно: развлекаться всеми доступными способами. А заодно узнавать Мир во всем его разнообразии. И главное: вести себя по-королевски.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	71
Глава 8	81
Глава 9	91
Глава 10	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Виктор Ночкин

Все сказки мира

Часть 1

Мир – архипелаг

Глава 1

Серое море тяжело дышало, перекатывая плоские бугры волн. Суденышко под грязно-бурым косым парусом то приподнималось на очередной свинцовый бугор, то съезжало вниз, чтобы затем вновь, тяжко кряхтя, начать очередной подъем...

Ингви пробрался на корму, где стоял у руля старик-шкипер. Передвигаясь по палубе, он постоянно хватался за что-либо руками, инстинктивно ища опору на шатком настиле. Экипаж корабля в этом совершенно не нуждался. Островитяне, на суше казавшиеся жалкими худосочными доходягами, в море сказочно преобразились – теперь они были ловки и уверены в движениях. Их фигуры выглядели не тощими, а жилистыми. Даже старый хромой Рунгач, казалось, забыл о больной ноге, стоило лишь исчезнуть на горизонте темной

полоске берега.

При виде пассажира старик радостно оскалился, показывая белесые десны с гнилыми обломками (почему-то он с самого начала проникся к Ингви приятнью), и вновь принялся описывать предстоящий маршрут, тыча кривым черным пальцем в набегавшие валы. По его словам выходило, что путь займет не меньше недели – если ветер будет благоприятствовать. Ингви попытался выяснить, как шкипер ориентируется в открытом море, где нет никаких примет, но не добился ничего – то ли потому, что плохо понимал своего собеседника (объяснялись они на жуткой смеси общего с диалектом островитян, дополняемой совершенно дикой жестикуляцией старика), то ли тот просто не мог объяснить. Или не желал открывать секрет...

Поговорив со шкипером, демон двинулся обратно в свое «логово», как он окрестил единственное более-менее сносное помещение на судне, предоставленное гостям. Там он выслушал очередную порцию жалоб Ннаонны на трудности с отправлением кое-каких нужд под хихиканье Фильки и визг оселка Кендага, которым тот – как всегда – правил какой-то кинжал, которых у орка имелось огромное количество. Любой из клинков был остер как бритва, но Кендаг постоянно находил в них какие-то изъяны. Отмахнувшись от нытья вампирессы, Ингви зарылся в кучу тряпья и задремал... Путешествие обещало быть скучным...

На четвертый день плавания Ингви, выглянув поутру из

«логова», обнаружил, что погода существенно изменилась. Стало заметно теплее, сплошная мрачная пелена туч расслоилась на отдельные неопрятные лохмотья и в прорехах сияла лазурь – такого праздничного, такого чистого цвета небо бывает только на юге. Вместе с тем ветер стих и суденышко замедлило ход... Ингви пробрался на корму и Рунгач, еще более радостный чем прежде, объяснил ему, что корабль уже в «море Архипелага», «теплом море», «добром море» – то есть теперь под ними – воды теплого течения, которое омывает и родные острова шкипера. А значит, Рунгач все равно что дома... Правда, ветры здесь гораздо слабее, чем в чужих северных морях – а стало быть и пойдут они теперь не так ходко...

Беседу прервали крики и визг, завершившиеся тяжелым шлепком грузного тела о воду. Оказалось, причиной шума была Ннаонна. Надо сказать, что простая конструкция парусника контрабандистов не предусматривала никакого галюна – и девушке приходилось, как и всем прочим, приседать над бортом. Естественно, она старалась не попадаться никому при этом на глаза, но тут ее подстерег за этим занятием помощник Рунгача – единственный толстяк среди островитян. Он позволил себе подскочить к вампирессе и с ухмылкой протянуть руку по направлению к пассажирке. Что случилось потом – он не смог объяснить и сам. Во всяком случае, опомнился нахал уже в воде. И пока земляки с хохотом и прибаутками втаскивали его на борт – пунцово-крас-

ная Ннаонна скрылась в каюте... Моряки принялись шлепать толстяка по мокрым плечам, выясняя, не прыгнул ли он нарочно к рыбам, ибо они более благосклонны к его ухаживаниям, нежели эта девица и прочее в таком духе. Всеобщее веселье прервал крик впередсмотрящего с мачты – тот тыкал рукой куда-то на восток. Глянув в указанном направлении, Рунгач пришел в дикое возбуждение – принялся хлопать себя по ляжкам (бросив ради этого занятия руль), вопить и гримасничать. Ингви с трудом разобрал между непрерывными «ай-вай» и «ой-вой», что на горизонте – корабль. Он принялся выспрашивать у старика, что же такого волнующего в этом факте. Минут десять спустя он все-таки смог вытрясти из разошедшегося контрабандиста, что корабль слишком велик для парусника островитян, а в такое время года в открытом море ходят лишь контрабандисты и морские разбойники – стало быть, корабль принадлежит именно последним. И если те заметили судно Рунгача – то не преминут погнаться за ним. И настигнут. Почему? Потому что ветер слаб, а они идут на веслах. Если под парусом от них можно уйти, то в штиль спастись не удастся. А ветер слаб и вот-вот стихнет вовсе...

* * *

Дико вопя и корча страшные рожи, Рунгач вновь навалился на руль. Его соотечественники, повинуясь приказам

старика, бросились к парусам и веревкам, назначение которых даже любопытный Филька отказался в свое время понимать. Совершенно беспорядочная, на первый взгляд, суета возымела, тем не менее, действие – парусник развернулся в сторону от замеченного на горизонте судна и вроде бы даже ускорил ход. Несколько часов весь экипаж хранил угрюмое молчание, столпившись на корме и не сводя глаз с маячащего вдали силуэта, в котором уже можно было рассмотреть прямоугольник чужого паруса. Наконец толстый помощник шкипера процедил несколько слов и сплюнул за борт. Словно по команде моряки затараторили наперебой – однако теперь в их говоре не было задора и легкомысленного веселья. Все было понятно и без перевода. Силуэт на горизонте не только не отставал, но даже заметно приблизился – то есть судно контрабандистов заметили и упорно преследовали, ибо корабль морских разбойников под широким прямоугольным парусом также сменил свой первоначальный курс...

– Самое позднее завтра на рассвете они нас настигнут, – объявил Ингви старый шкипер, – если, конечно, не спадет ветер. Настигнут и всех поубивают...

– Неужели обязательно поубивают? Зачем им это?

– Потому что они – злобные убийцы. Им в радость лить чужую кровь... Если удастся уйти – отдам нашему *подобию Гили* серебряную штуку, которую дал мне колдун...

Ингви догадался, что речь шла о кубке из низкопробного

серебра, подаренного Рунгачу на прощание Рубином (маг таким образом отблагодарил контрабандиста за участие в операции с демоном и его спутниками). Что за «подобие» и зачем ему отдавать подарок, имевший немалую ценность для старика – расспрашивать Ингви не стал. Не время...

Вернувшись к друзьям, он рассказал новости.

– Что будем делать? – поинтересовалась Ннаонна.

– Да ничего... Ждать... Наверное, ночью Рунгач попытается оторваться от корабля разбойников. В темноте...

– А как ты думаешь, – начал Кендаг, но его внезапно прервал новый взрыв воплей с кормы, – это чего они?..

– По-моему, ветер стихает, – подумав, предположил Сарнак.

Его слова подтвердили хлопки ткани над головой – парус обвис складками, вяло пошевеливавшимися под слабыми порывами ветерка. На корме уже были не переставая – суденышко контрабандистов могло идти только под парусом, а силуэт драккара вдалеке уже словно развернул сложенные крылья – там готовились пустить в ход весла.

– Сколько их там интересно? – поинтересовался Кендаг, вытряхивая из мешка кольчугу, которую он заботливо упаковал на берегу, чтобы уберечь от сырости, – неужто так много, что мы не управимся с ними?

– Разбойников не меньше четырех-пяти десятков, должно быть... И им вовсе не обязательно сражаться с нами, – заявил Сарнак, – могут просто потопить нас, протаранить...

Если они действительно такие кровожадные злодеи, как о них говорят. Если хотят нас погубить, а не ограбить.

– Ничего, поглядим, – мрачно пробурчал лорд, снаряжаясь к бою, – эльф, ты готов?

– А как же! – Филька потрясал луком и был весел как всегда, – а путешествие, пожалуй, получится повеселее, чем я думал, а?

Ингви, не обращая внимания на их болтовню, вдруг сосредоточенно нахмурился и полез наружу. Несколько минут спустя к нему присоединилась вся компания.

– Ингви, а где твой меч? – затарахтела Ннаонна, – вот эти разбойники еще не встречались с Черной Молнией! Вот мы им... Вот они будут... А куда ты смотришь?

Ингви очень внимательно смотрел куда-то поверх обвисшего паруса, сосредоточенно шевеля губами. Все машинально глянули в небо – там, естественно, ничего не было. Наконец Ингви произнес:

– Сарнак...

– Ага-а, – так же задумчиво протянул тот, – пожалуй...

– Эй, вы чего, – растерянно спросила Ннаонна, – чего вы это?

– Ветер! – провозгласил демон.

– Ветер... – откликнулся Сарнак.

– Ну?.. Ну же? Что ветер? – в голосе девушки уже слышалась досада.

– Ветер исчез слишком уж как-то... – наконец пояснил

маг, — похоже на колдовство...

— Очень похоже, — подтвердил демон, — определенно колдовство. Хотя и не высшего разбора...

* * *

— ...Да, учитель... А потом вы воскресли из мертвых.

— О, Гилфинг!.. Да сколько же можно тебе повторять — не умирал я. И не воскресал.

— Но учитель, я же сам видел вашу старую мантию. Ее показывали нам по приказу демона... Она была вся изъедена мышами и окровавлена. Уж я-то ваших одежд ни с чем не спутаю, сколько раз стирал-то... И еще там такая прореха была, которую...

— Конта...

— ...Которую я штопал и которая...

— Конта! Конта, послушай, я объясняю тебе, что я нарядил в свою мантию какого-то альдийца, который жил неподалеку от того склада...

— Так вы убили его, мастер Гельда?

— Ну а что с того? Или он — какой-то незнакомый мне дуралей — или я... Выбора не было! Убил... И нарядил в свою мантию... Поскольку иначе мне было бы не скрыться... Посуди сам — меня бы разыскивал в Альде демон, обуянный жаждой мести, а вне города — с моего следа бы не слезал весь клан Изумрудов... Да и все прочие колдуны, что поделились

со мной своими секретами. Толстяк Гимелиус, конечно, обвел их вокруг пальца – да не надолго. Вскоре они бы уразумели, как их провели... Я ведь получил от каждого мастера его лучшее заклинание... Ты понимаешь? Можешь быть уверен – магу, владеющему их тайнами, не дали бы уйти спокойно... Из-под земли бы достали. А так все шито-крыто. Гельда мертв... И унес их секреты в могилу. Понятно?

– Да-а...

– Так-то, ученик. Теперь ты видишь, как обдeldывают свои дела подлинные мастера! Да, кстати, а что за человек следил за тобой? Ага, ты даже не заметил?!

– Не-е...

– За тобой следили, но теперь-то все в порядке!.. Я, правда, не поймал наглеца, но напугал изрядно... Но ты, должно быть, хочешь узнать о моих дальнейших планах, не так ли? Твой старый учитель все уже обдумал. Мы тайно проберемся в дикое захолустье. Туда, где нет мало-мальски сильных магов, где, пожалуй, вовсе нет магов... Есть у меня на примете одно такое местечко в Малых Горах. Там в Черной Башне у Драконьего Камня жил когда-то колдун. Во время разгрома герианской ереси на него ополчилось все местное население. Хе-хе... К тому моменту, как им удалось-таки разделаться с колдуном, это самое население, говорят, уменьшилось примерно на треть – силен он был, колдун-то... Так что с тех пор там магов вовсе нет – а страх перед магами есть. И есть поверье, что этот их колдун оживет, вернется и

примется мстить... Вот туда-то мы и отправимся – в Черную Башню. Мне, видишь ли, нравится быть ожившим покойником... Хе-хе... Да не бойся – я же пошутил...

Глава 2

Не то, чтобы я был страшно удивлен, нет. Но все же... Итак, кто-то, несомненно находящийся на борту пиратского драккара, искусственно «гасил» тот небольшой ветерок, который давал нам некоторые шансы ускользнуть. Странно. Рунгач, к примеру, ни словом не обмолвился о том, что его соплеменники владеют магией. Более того, я так понял, что магия – явление совершенно чуждое его миру. Здесь необходимо кое-что пояснить. Заниматься магией можно только там, где имеется фон магической энергии, маны. Как ни странно, это совершенно согласуется с религиозными воззрениями народов Мира. Имеются боги – Гангмар с Гунгиллой – и имеются их эманации. Которые, в свою очередь, являются сырьем для магов. Вне Мира – скажем, в открытом море – фон маны слаб (поскольку нет растений и тварей, «вмещающих Гунгиллу» и мы все дальше от обиталища Гангмара) и колдовать неизмеримо сложнее. Меня удивило не мастерство и изощренность магии неизвестного колдуна – напротив, его заклинания были топорны, тяжеловесно и неуклюже скроены. Но очень интенсивны. Выглядело это так, как если бы он таскал с собой «аккумулятор» наподобие моих шариков. Кстати, свои я заправил до отказа еще на берегу, пока мы гостили у Рубина. А когда попытался колдовать в море – сразу ощутил недостаток маны. Чужой же кол-

дун расходовал свои силы щедро и мощно...

Впрочем, все это я обдумал позже, а тогда – тогда было недосуг. Следовало заняться нашим спасением от разбойников... Пошептавшись с Сарнаком, я отправился на переговоры к Рунгачу. Тот пребывал в совершенной прострации. Отбушевав и откричав свои мольбы и проклятия, старик тихо поскуливал, вцепившись в рулевое весло. Впрочем, его можно было понять – он уже глядел в глаза неумолимо надвигающейся гибели, принявшей облик темного силуэта вдали... Раз за разом взблескивали мерно поднимающиеся ряды мокрых весел, сокращая расстояние между нами и драккаром...

– Эй, Рунгач!

– У-у-у... О-о-ой...

– Рунгач, послушай меня! Хочешь спастись?

– У-у-у... Ой, чужеземец... Нет спасения...

– Я спасу тебя и всех вообще, хочешь? Что дашь за это?

– У-у-у... Нет спасения... Все, что хочешь дам...

– Старик, очнись! Послушай меня. Я сделаю ветер, понял?

Объясни, в какую сторону ветер тебе нужен и своих моряков подготовь.

В глазах старого шкипера что-то щелкнуло и его взгляд приобрел некоторую осмысленность:

– А ты ведь тоже колдун, э?... Слушай, колдун, спаси нас. Правду говорю, все что пожелаешь дам!

Вообще-то, мне это не нравится. Когда я слышу: «правду говорю» или «я же не тот человек, я не обманываю», то

сразу понимаю – могут обмануть. Именно тот человек. Но тем не менее... Спасая Рунгача, я ведь спасал и нас всех – то есть выбора у меня, по сути дела, все равно не было. В том смысле, что спастись, не спасая попутно весь наш кораблик с экипажем, все равно невозможно.

– Значит так, Рунгач. Все, что я пожелаю, ты мне все равно дать не сможешь. Уж больно многого желаю. А взамен моей помощи ты обеспечишь мне приют на ваших островах. Договорились?

– Конечно! Все, что пожелаешь! Моим гостем будешь! Живи сколько захочешь! Эй, вы!.. – за этим последовал совершенно непереводаемый, по-видимому, набор ругательств, морских терминов и команд.

Экипаж парусника, все еще не стряхнув апатию, тем не менее, вяло расползся по местам. Мы же с Сарнаком расположились на корме и принялись на пару творить Спешащий Ветер, подпитываясь маной из наших янтарных цацек. Получилось.

Я думаю, что морские разбойники совершенно обалдели, увидев, как наше суденышко лихо улепетывает от них с надутым парусом – при полном-то штиле, который сотворил их колдун... Через пару часов черная точка, в которую превратился силуэт драккара, совершенно растаяла на горизонте...

Нечего и говорить, что после этого случая все моряки прониклись к нам суеверным уважением, а помощник шкипера как-то поинтересовался у меня, робея и смущаясь, все ли мы

великие маги и чудотворца. Я, естественно, ответил что да. Все великие, а я – величайший. Впрочем, особого обмана в этом не было. Любой из нашей компании был наделен талантами, совершенно чудесными в глазах примитивных островитян. Взять, к примеру, вампирессу – она обладала исключительно волшебной способностью отправлять за борт наглецов...

* * *

С каждым днем и небо, и море приобретали все более радостные лазурные оттенки. Становилось теплее. И вот на девятые сутки плавания наконец на горизонте показалась темная черточка – берег загадочного Архипелага...

Ингви стоял на корме рядом со шкипером и удивленно прислушивался к угрюмому ворчанию старика – тот выглядел недовольным и встревоженным. Почти вся его команда радостно галдела на носу, восторженно предвкушая возвращение на родной остров, Рунгач же по мере приближения берега все больше хмурился. Наконец Ингви не выдержал и прямо спросил, что случилось.

– Рунгач, все твои рады возвращению, а ты, как будто, нет. В чем дело?

– Э-э-э... Море пусто... Мы должны были бы повстречать по крайней мере десяток судов. А я не вижу даже ни одного паруса... Неужто этот отступник... этот негодяй... – и даль-

ше длинная тирада, сплошь состоящая из брани.

Демон пока не так хорошо овладел языком островитян, чтобы воспринять все, но разобрав «рыбий корм», «смердящая скотина» и «козье дерьмо», резонно предположил, что более-менее понял содержание всех остальных фраз. В ответ на расспросы старик поведал ему, волнуясь и перемежая рассказ длинными периодами бранных эпитетов, следующее. Сам Рунгач именовал себя «царем», то есть являлся родоначальником семьи, живущей на одном из островков, но при этом он подчинялся царю другого, гораздо более крупного острова – Большого Длинного Эману, как назвал его старик. При каждом из царей таких крупных островов жил надзирающий над ним не то жрец, не то эмиссар центральной власти Архипелага – «подобие Гили». Что означал такой странный термин – демон не понял. Во всяком случае, эти «подобия» были неприкосновенны и вообще пользовались огромным авторитетом и властью, пожалуй, большей, нежели сами цари. Глава и патриарх подобий обитал на каком-то тайном острове в глубине Архипелага и правил им в качестве царя... На этом тайном острове жила семья подобий, поставлявшая своих представителей на все «великие острова», одним из которых и являлся Большой Длинный Эману... И не то, чтобы между островами Архипелага царил мир и согласие... Но тем не менее существующий издавна институт «подобий Гили» (структура, общая для всего Архипелага) поддерживал между царями и общинами разных

островов определенное чувство соседства и ощущение того, что они – единый народ...

Несколько десятков лет назад в «добром море» Архипелага объявились драккары северных пиратов – и принялись чинить разбой. Следует заметить, что сами островитяне занимались контрабандой и разбоем, нападая на соседние острова и воруя коз. Не брезговали они и морским пиратством, захватывая, если удавалось, энмарские суда. В прежние времена любимым развлечением золотой молодежи Энмара было отправиться к Архипелагу, нагрузив корабль вместо товара вооруженными людьми. Юные повесы делали вид, что их судно село на мель, либо дало течь – и, дождавшись пока островитяне, привлеченные легкой добычей, брали судно на abordаж и лезли на палубу, бросались на них из кормовых надстроек, где прятались до поры. И учиняли резню, пользуясь преимуществом в вооружении... Прекратилось это лишь после того, как взбешенные «подлостью» юных энмарцев южане просто сожгли пару судов, даже не пытаясь захватить их... Бывало такое...

Но тот разбой, которым занимались пришельцы – такого на островах прежде не знали. Северные варвары, казалось, почти не интересуются добычей – их целью было сеять смерть и ужас. Они убивали во имя своего жуткого божества – Морского Царя, требовавшего от почитателей крови иноверцев. Они беспощадно вырезали экипажи всех настигнутых судов, независимо от того, сопротивлялись те или нет...

Они опустошали целые острова, сжигая дома и избивая жителей... Они умели колдовать... Для народа Архипелага это было неслыханным делом. Ну угнать коз, ну увести в плен молодых женщин, ну побить соседа... А такое бессмысленное кровопролитие... Варварство...

До недавних пор северные убийцы рыскали в «добром море», но и уплывали в конце концов восвояси – неприступные скалистые островки было легко отстоять от врага, а великие острова с большим населением могли отбиться за счет многочисленности дружин. То есть базы в этих водах враг не имел. А вот недавно один из царей великих островов заключил с ними дружбу и сам стал убивать во славу Морского Царя... Он отдал в распоряжение новых друзей свой большой остров Карассу, он стал ходить с ними на разбой, он заплел волосы в косы, как они... Он стал таким же кровожадным убийцей. Теперь врагу нет нужды возвращаться время от времени на свои далекие холодные острова – они находят приют, воду и все нужные припасы на Карассе... Только соседство с Карассой Большого Длинного Эману позволяло дать хоть какой-то отпор врагам, ведь на Эману правит отважный и мудрый Алгано Лучич (между прочим, именно тот самый царь – старший над Рунгачем). Кстати, его род всегда соперничал с родом Карасского отступника Токи Торгича... Он – Алгано Лучич – готовит союз царей всех окрестных островов против Токи.

Рассказав все это, Рунгач пояснил, что его тревожит от-

существование кораблей в окрестных водах – неужто злодей Тока Торгич и его кровожадные друзья учинили какое-то ужасное злодейство... Неужто случилось что-то настолько жуткое, что ни один корабль не выходит в море... Помолчав с минуту, шкипер прокаркал какой-то приказ своим и налег на руль:

– Я меняю курс, иду к Большому Длинному Эману, – пояснил он Ингви, – там узнаю новости скорее...

* * *

...Узник слегка пошевелился. Осторожно, чтобы не нарушить собственной сосредоточенности. Тяжело вздохнул.

Проклятые кандалы... Проклятые стены. И решетка в крошечном оконце. Оконце, за которым – не воля, а тюремный дворик, окруженный высокими стенами... Проклятая стража... И проклятый колдун, что клюет носом на низенькой скамейке за обшитой железом дверью камеры... Ничего. Преодолеть можно все. Собственно, если бы не колдун – то все стены, решетки и кандалы не удержали бы узника в камере и на час. Но проклятый колдун... И стены, и кандалы, и решетки на крошечном оконце... Поэтому узник лежит, свернувшись калачиком на жесткой скамье и делает вид, что ничего не делает... Между тем он готовит побег. Работу мага не всегда можно разглядеть обычным зрением. Обычным зрением также не разглядишь, что вся камера оплетена сетью

охранных заклинаний. В конце концов их можно бы преодолеть – даром, что они наложены самим придворным магом Императора... И колдуна, что клюет носом за дверью, можно победить – даром, что он ученик самого придворного мага Императора... Но превозмочь заклинания Гимелиуса вряд ли удастся так, чтобы этого не заметил Изумруд, что наблюдает за узником – а тот тут же поднимет тревогу... Поэтому Вентис лежит, свернувшись калачиком на жесткой скамье – и творит магию.

Если начать работать над дверью – колдун заметит. Поэтому дыра в сплетении чар, наложенных на тюремную камеру лично Гимелиусом, зарождена в дальнем углу. Каждый день, каждую ночь Вентис трудится, передвигая дыру в охранных заклинаниях поближе к двери. На миллиметр, на чуть-чуть... Колдуны-Изумруды за дверью меняются, вновь заступивший на стражу принимает у предшественника пост и освежает комбинацию магических формул своего наставника – но они не заметят крошечных, малю-ю-юсеньких изменений, что вносит в них Вентис. А он вносит их... И когда-нибудь... О-о-о, когда-нибудь созданная им прореха в магии Изумрудов совместится наконец с дверью его камеры...

Вентис вновь тяжело вздохнул и вернулся к работе – вот еще чуть-чуть... вон до той крошечной трещинки в стене – и на сегодня хватит, иначе тот маг, что заступит на пост через два часа, может что-нибудь заподозрить... И вся работа –

труд стольких дней и ночей – пойдет насмарку...

Все. Достаточно. Пока хватит. Теперь можно передохнуть... А ведь, казалось, цепь его рассуждений была так логична, так верна... Он соединял две полусферы – и получал магический амулет невиданной мощи... Подумать только, ведь это должен был быть шар неизвестного ныне металла, порытый забытыми ныне символами, которые нанесли могущественнейшие маги прошлого, а может и сами боги-создатели... Ну по всему выходило, что это будет нечто такое... такое... могущественное такое... К тому же все легенды твердят, что для управления этим талисманом не нужны специальные знания – такая штука сама поможет владельцу. Сама подскажет, как собой управлять!.. И Вентис считал, что он – самый догадливый, что он вот додумался, а все другие маги (ограниченные приверженцы традиций!) лишь топчутся вокруг великой тайны... А он вот додумался... Собственно говоря, Вентис и сам до сих пор не мог до конца поверить, что ошибся. Возможно, надо было произнести некоторые формулы, или соединять полусферы не в горизонтальной, а в вертикальной плоскости... Или еще чего...

За дверью послышался шум. Это заступающий на пост маг принимал у своего предшественника камеру, опутанную сетью заклятий. Через час ему станет необычайно скучно, еще через час он окончательно утратит бдительность – и тогда Вентис продолжит свой труд и передвинет свое творение – прореху в магической системе Гимелиуса – чуть-чуть ближе

к проклятой двери... Двери в проклятых стенах... Напротив крошечного зарешеченного окошка... Проклятого...

Глава 3

Большой Длинный Эману медленно рос на горизонте. Темная точка растеклась в линию, затем остров начал увеличиваться и в ширину, и высоту. Скалистые гребни хребта, карабкающиеся по холмам роции пирамидальной формы деревьев с темно-зеленой листвой... Вот уже можно различить поселки и возделанные пашни, а также знаменитые виноградники. Суденышко вновь сменило курс. Рунгач правил левее – туда, где в бухте за скалистым мысом должен был находиться порт Эману. Вероятно, самый большой порт Архипелага.

Еще левее... Еще... Теперь парусник скользил параллельно линии берега, крутыми скалистыми уступами взбегавшего над белой пеной прибоя. Ингви и его спутники, не скрывая любопытства, вглядывались в пейзажи, медленно уходящие за корму – эта земля не принадлежала Миру... Не Мир... Нужно пожить жизнью Мира, проникнуться его культурой, чтобы понять, насколько это дико и невероятно – «не Мир». Созданы ли эти земли Гилфингом, преобразены ли они Гангмаром и Гунгиллой? А если нет – то как же?..

И тем не менее – это просто земля, просто камни, просто деревья, трава, козы, мальчишки-пастухи; просто хижины и шалаши под просто небом... Очередное селенье уплыло за корму, Рунгач принял еще левее, огибая круто обрыва-

шиеся в море скалы, затем направил парусник ближе к берегу. Ингви отметил про себя, что порывы ветра приносят какие-то звуки – равномерный шум, подобный рокоту прибоя, но иной, совсем иной... Корабль контрабандистов лавировал, подстраивая курс под боковой ветер, наконец впереди показался скалистый «нос» ограждающего бухту полуострова. Станный шум стал явственнее...

Еще поворот – и странникам открылся вид на Эману – город и порт, лежащий в огромной бухте, вернее, в заливе... У берега теснились, пожалуй, сотни судов – парусников наподобие «Листы», корабля старого Рунгача. И многоголосый шум, говор многотысячной толпы островитян, не отражаемый теперь скалами, повис над мутной водой залива, над кораблями у берега, над головами путников...

Рунгач вновь налег на рулевое весло, направляя свое судно в гущу других кораблей – и вскоре парусник уже скользил среди нагромождения канатов, мачт, свернутых парусов, среди гомона сотен моряков. Бормочущих, вопящих, приплясывающих на палубах... и размахивающих металлическими штукаами, которые Ингви с некоторой натяжкой готов был признать оружием. Демона поразила внезапная перемена в поведении его спутников-островитян – те вдруг, как по команде, тоже принялись вопить, верещать и размахивать сжатыми кулаками и тупыми клинками, которые моряки повыдергивали из-за кушаков. Даже Рунгач что-то хрипел и ныл, кривя беззубый рот и тряся над головой тощей

левой рукой (правая привычно покоилась на рулевом весле, которое старый шкипер не выпустил даже когда его судно замедлило ход и затем остановилось, покачиваясь у покрытого галькой пологого берега)...

Двое самых молодых членов экипажа «Листы» – то ли внуков, то ли племянников Рунгача (Ингви так и не смог из объяснений старика точно понять суть родства «через голову») – прыгнули за борт и побрели по пояс в мутной грязной воде к соседнему паруснику, все так же крича и размахивая бронзовыми кинжалами. Вскарабкались на борт. Вдруг толпа мужчин на кораблях разом рывкнула в унисон и тут же все принялись суетиться, попрятав клинки и на порядок тише гомоня – корабли двинулись от берега к выходу из порта...

Минут пятнадцать спустя в гавани осталось едва ли больше полудюжины суденышек. Тишина как-бы обрушилась на путников...

– А что это, собственно, было? – поинтересовался Ингви у Рунгача.

– А это Алгано Лучич, мой великий царь, наконец-то собрал храбрецов с окрестных островов в поход на Карассу! Великий поход! Теперь-то наши положат конец разбоям северян и предательству Токи! Долго не удавалось нашим сговориться и собраться для этого великого дела... Но отступник Тока Торгич учинил злое святотатство и теперь-то ему не поздоровится... Теперь покажем ему... Этого-то ему не простим...

Старик начал вновь входить в милитаристский раж, поэтому Ингви поспешил перебить его вопросом, о каком это, собственно, святотатстве идет речь.

– Так ведь он что-то учинил с «подобием Гили» своего острова!.. Его «подобие», «подобие Гили» Карассы исчез без следа! Тока его то ли сгубил, то ли... Злодей!.. Гнусный!.. Смердящие рыбы потроха!.. – и дальше обычная для островитян скороговорка насчет козьего кала, рыбьего корма и прочее...

Ингви вздохнул, отвернулся от ярящегося старика и устался куда-то в небо, отчаявшись получить хоть сколько-нибудь членораздельное объяснение последним событиям. Впрочем все было более или менее ясно... Более или менее...

* * *

Постепенно яростный подъем милитаристского духа у старика схлынул и я смог немного порасспросить его. Прежде всего, я вытянул из Рунгача кое-какие сведения о местной религии – довольно-таки простом и незамысловатом отражении верований Мира. Здесь поклоняются боже-ству-гермафродиту – «Гили, который родил себя сам». И пресловутые «подобия» – это семейка гермафродитов, которая гнездится на одном из внутренних островов Архипелага и держит своих эмиссаров при дворе царя каждого из «вели-

ких» островов. Совершенно монотеистичной эту религию не назовешь, поскольку я то и дело натывался на упоминания о «Гаге злом», который есть враг и вечный противник «Гили доброго», но при этом... Как бы это сказать... Существование Гаги никто не признает. Странно, да? Тем не менее.

Затем политическое устройство народа островов. Каждый царь, во всяком случае, каждый великий царь крупного острова – самодержец и абсолютный монарх. Но при этом он выполнит любой приказ «своего» подобия Гили. Эти гермафродиты – не начальство над царями и не верховные жрецы теократических государств. Своей властью они отнюдь не злоупотребляют, предоставляя править царям, хотя любое их слово для царей – закон. Они, подобия, окружены мистическим ореолом, их боготворят, им поклоняются – вот поэтому островитяне терпели все выходки отступника Токи, пока он не замахнулся на святое. Собственно, никто ничего не слышал о том, что Тока причинил вред «своему» гермафродиту – для того, чтобы эти трусоватые людишки (экипаж «Листы» ведь даже не помышлял о сопротивлении разбойникам в море, единственное спасение видя в бегстве) превратились в кровожадных вояк, было достаточно всего лишь слуха, что, дескать, «подобие» с Карассы несколько дней не показывается на людях... Лично я подумал, что эта беда, якобы приключившаяся с карасским подобием – утка, запущенная семейством Алганов с целью поднять соседних царей против монарха-соперника.

Затем успокоившийся Рунгач сходил в город за новостями. Там он переговорил с несколькими своими старыми знакомцами, уточняя подробности последних событий, после чего вернулся на «Листу» и заявил, что на его островке, Малой Ругане, все в порядке и он остается здесь ожидать известий об окончании великого похода. К тому же сюда должны вернуться его юные родичи, отправившиеся в поход вместе с армадой на корабле шкипера Лонича, своего дальнего родственника... А еще старик притащил корзину фруктов и мы обожрались...

Ночь мы провели на паруснике – старый шкипер отговорил нас от похода на берег, хотя, честно говоря, нам всем не терпелось почувствовать под ногами твердую почву. Но Рунгач был настойчив – мол народ сейчас горяч... Я его поддерживал, поскольку понял так, что сейчас местные настроены против иноземцев – не важно каких иноземцев...

Эскадра Алгано Лучича возвратилась на следующий день ближе к закату – и в весьма плачевном состоянии. На Карассе они потерпели сокрушительное поражение... Молча и как-то очень серьезно мы – а также толпа, собравшаяся на берегу – наблюдали, как в узкое горло бухты входят один за другим суда. Несколько десятков парусников. Вчера их насчитывалось сотни две – две с половиной...

Молча (только скрипели снасти и хлопали свертываемые грязные паруса) моряки сходили на берег и брели по домам, сопровождаемые группками домочадцев. Взывала какая-то

женщина, раздирая воплем тишину. За ней еще и еще – многие из тех, что пришли на берег, не дождались...

Возвратились на «Листу» и Рорич с Мотычем, внуки-племянники нашего шкипера. Левая рука Рорича была обмотана окровавленной тряпкой – его нечаянно поранил в суете Мотыч, когда они бежали с берега на судно... Вскоре, выпив большую чашу вина, Рорич вздохнул и рассказывал нам о походе. Они провели орРоРоРРночь в проливе, а с рассветом приблизились к Карассе. Подплыли с той стороны, где берег пологий. Незагруженные суденышки подошли по мелководью почти к самой суше. Ополченцы прыгнули в воду и выбрались на пляж. Сбились в большую толпу и двинулись к окруженной низкими стенами столице отступника Токи. Именно так они представляли себе боевые действия. Стояла невероятная тишина. Внезапно ворота Лер-Карассы распахнулись и ревущая толпа северян ринулась по склону вниз – на пришельцев. Разбойники мчались бегом, не теряя, тем не менее, строя. Сплошная стена больших круглых щитов, несущаяся на вооруженных дротиками и кинжалами тощеньких островитян... десятка четыре дротиков бесполезно отскочили от щитов... И толпа в единый миг перестала быть ополчением, перестала быть войском... все кинулись к кораблям. Тут-то Рорич и получил свою рану... Не помня себя от ужаса дрожащими руками они ставили паруса и спешили прочь от Карассы, где победители приканчивали на пляже тех, кто не успел сбежать... И все время, пока не исчез из

виду остров, они испуганно озирались назад – не спешат ли в погоню страшные драккары из Карасской бухты... Армада разделилась на отдельные эскадры, которые отправились каждая к своему острову. Суда с Большого Эману вернулись к себе... Это было даже не поражение, это был разгром. Да что там разгром – островитяне бежали без боя...

И самое страшное то, что Тока прекрасно понимает, кто собрал ополчение против Карассы... И теперь не замедлит повести новых друзей на старых недругов...

* * *

– Приветствую, старший брат!..

– Ты вновь опоздал на заседание, брат-разведчик!.. Приветствую, приветствую...

– Я опоздал... Эти нудные заседания Черного Круга!

– И тем не менее, ты обязан на них присутствовать. Тем более, что пора бы тебе, дружок, усвоить – все братья ополчаются на отсутствующего!.. Мне опять стоило немало труда защитить тебя от их нападков...

– Благодарю, благодарю. Надеюсь, ничего серьезного?

– Как тебе сказать... Почти ничего. Но расскажу по порядку. Брат-казначей жаловался на трудности с превращением свинца в золото...

– Как всегда!

– ... Брат-колдун жаловался, что брат-архивариус не поз-

воляет ему рыться в древних манускриптах, что могут содержать забытые ныне заклинания...

– Как всегда!

– ... Брат-маршал жаловался на недостаток материала, ему, дескать, не хватает зомби для караульной службы и магов для поддержания колдовской стражи – да, да, как всегда! Не перебивай! И – поскольку ты отсутствовал – постановили, что брат-разведчик станет меньше требовать денег для оплаты агентуры...

– Ой!..

– ...Что брат-разведчик станет собирать в Империи старые книги с возможным содержанием забытых формул...

– Ой!!

– ...Что брат-разведчик будет приводить пленных, дабы маршал пополнял отряды зомби...

– Ой!!!

– Не перебивай! Если бы не мое заступничество, то брат-архивариус содрал бы с тебя шкуру для пергамента, брат-казначей продал бы тебя в рабство за горсть монет, а брат-маршал сделал бы тебя зомби-капралом! И все это может случиться, если ты не разыщешь для меня следы великого Гериана.

Брат-разведчик ощерил широкий рот с крупными зубами в усмешке:

– Да, мой старший брат, да. Я опять нашел кое-что новое. Однако объясните мне – откуда этот интерес к судьбе

Предтечи? Я знаю, что вы единственный из Круга, кто помнит принца Гериана, кто знал его, кто служил ему... Я знаю, что вы были его вассалом, его правой рукой, его сподвижником...

– А если он жив?... Если Гериан и впрямь сбежал во время резни в Могнаке?

– Но пока Гериана нет – вы являетесь величайшим, вы... А вот вернись к нам Гериан во плоти – и вы, старший брат, перестанете быть фактическим повелителем Могнака...

– Все верно, дружок... Все верно. И именно поэтому я не желаю, чтобы Гериан во плоти вернулся в Могнак внезапно... Я должен знать все о его судьбе. И я не верю, что он сгинул. Ведь если выжил я, то возможно... Ведь во время побоища здесь погибли сотни вассалов Гериана – и толковых магов, и безвестных учеников. О гибели единиц остались точные сведения – как пал, от чьей руки... Но Гериан... Великий маг Гериан... Он не мог погибнуть незаметно, не унеся с собой десятков противников! О его гибели сложили бы песни!.. А он... просто исчез. Ни песни, ни сказки о его гибели, ни его тела, наконец, которое должны были бы уничтожить необычайно торжественно суеверные фанатики. Ничего! Великий Гериан не мог так погибнуть! Не мог!.. Он выжил! И я должен знать – где он? Найди мне его следы, Гемронт, мой мальчик! Проследи его путь!..

Крошечный старичок выхаркнул последние фразы визгливым фальцетом и умолк, тяжело переводя дыхание...

– Итак, – проговорил он уже тише, почти успокоившись, – что же ты узнал в этот раз?

– Мои догадки еще раз подтвердились. Некто, поразительно похожий на Гериана, появился спустя без малого месяца после резни в Могнаке... Именно там, где я и предполагал – в Альде!.. В незнакомце признали мага – а с магами ведь тогда не церемонились... Он сбежал при странных обстоятельствах...

– Подробности, дружок, подробности!

– Подробности – извольте! – Гемронт встал и прошелся по келье (пламя свечей задергалось). Вернулся к столу. Сел. Хрустнул пальцами, – незнакомец явился в город с севера. Пытался продать на базаре шкурки лис и барсуков. Пьяный охотник из местных принялся поносить его и твердить, что он – маг, поскольку без колдовства не добудешь таких трофеев...

– Понятно. Мага – на костер, с конкурентом в охотничьих делах покончено...

– Именно. А потом незнакомец вместо того, чтобы тихо смыться (как поступил бы на его месте простой охотник), возмутился. Уложил пьяницу и свору его собутыльников магией – чем-то подозрительно похожим на «дубинку Гериана», Зарубил сколько-то городских стражников (зарубил мечом – это простой охотник-то) – и сбежал. Каково?

– Плохо. Слишком много подробностей. Откуда?

– Я разговорил старикашку – правнука того пьянчуги. На-

поил его... Это у них похоже, фамильное...

– М-да-а-а... Слишком хорошо, слишком много деталей... Но хочется верить... А потом?

– Потом была война... Великая война...

Глава 4

Печально. Похоже, что безопасного убежища здесь найти не удастся... Тем временем неподалеку от нас подошел к берегу флагманский корабль. Алгано Лучич, сопровождаемый телохранителями, прыгнул в воду и побрел к поджидавшей его стайке женщин в пестрых накидках. Возможно, дочери, а возможно – гарем. Я пока не так хорошо знаком с местными обычаями, чтобы определить наверняка. У меня над ухом кто-то порывисто вздохнул. Я оглянулся – Сарнак. Чего это он? Всегда такой замкнутый и сдержанный маг... Надежный, как его меч – и спокойный, как его посох... Так странно глядит на царька и его домочадцев...

Тем временем церемония встречи мужчин подошла к концу и берег начал пустеть. Ко мне обратился Рунгач:

– Ну вот и все, чужеземец... Неудача постигла, стало быть, великого царя Алгано... И нам здесь больше нечего делать. Я обещал – теперь поплывем на мою Малую Ругану... – старик вздохнул, – будешь моим дорогим гостем... И твои спутники...

– Ты отправляешься к себе? А я думал, что старший над тобой царь – Алгано Лучич – станет теперь собирать кого только сможет для защиты своего острова от мести врагов... Ты ведь сам так сказал, что они примутся мстить – Тока и эти северные разбойники...

– Да ведь они не нападут сразу. Они – варвары, злодеи... Им в радость, когда их боятся. Понимаешь, чужеземец? Мы знаем, царь Алгано знает, что они отомстят. Они знают, что мы это знаем. Мы боимся их. Они знают, что мы боимся. Они радуются. Понимаешь?

– Будут растягивать удовольствие.

– Да, точно. Удовольствие. Да, растягивают. Значит, сразу не нападут. Мы плывем на мою Ругану, – старик вздохнул. Будет пир в честь дорогих гостей...

И мы отправились на эту самую Малую Ругану – увозя с собой тяжелые предчувствия Рунгача, неутоленную злобу, страх и жажду мести его моряков, а также непонятную тоску моего приятеля Сарнака. Маг проводил долгим взглядом царя с его свитой и не проронил ни слова. Только вздыхал и не спускал глаз с оставшегося за кормой Большого Длинного Эману...

Малая Ругана... Это оказалась скала, вырастающая из моря отвесными обрывами. Единственную бухту, в которой могли бы найти приют более-менее приличные суда, стерегли две башни. Там несли дозор несколько мужчин, приветствовавшие теперь «Листу» визгливыми криками. На берег высыпала встречать нас пестрая толпа – в основном женщины, дети и старики. Они восторженно верещали, встречая своих мужчин, а также патриарха и царя, Рунгача. Стоило посмотреть, как этот облезлый замухрышка, на вилле энмарского мага державшийся скромно, даже подобострастно, пы-

тавшийся не привлекать внимания и очень осторожный на острове Эману – как он сказочно преобразился, ступив на землю родного острова. Настоящий царь! Повелитель! Самодержец! Неограниченный владыка этого клочка земли и этого крошечного народа... Наш скипер держался грозно и властно (как ему казалось). Как по мне – бедняга был смешон, когда сверкал очами и сердито раздавал приказы бабам, веля им готовить праздничный пир по случаю возвращения царя, а также прибытия благородных гостей царя, доблестных и знатных чужеземцев. То есть нас.

Впрочем народу Малой Руганы смешно не было. Получая приказания Рунгача, они срывались с места и опрометью бросались – исполнять. С похвальным рвением. Да, им смешно не было.

Мы двинулись вслед за хозяином в его «палаты» – каменную двухэтажную руину. Впрочем, по сравнению с глинобитными хижинками островитян – и впрямь палаты... Вокруг суетились старухи в темных накидках, женщины помоложе в пестрых свободных одеяниях, полуголые подростки и голые дети. А также куры и козы. Они все (казалось, даже включая кур и коз) готовили праздничный пир. И вечером пир состоялся. Честно говоря, я страшно устал и на пиру только кивал, даже по сторонам почти не глядел. И мало что понял из торжественных царских речей. Впрочем, догадаться было, кажется, не сложно. Рунгач повествовал – прерываясь время от времени, чтобы пустить по кругу здоровен-

ную медную чашу (вернее, тазик на ножке) – о том, какие неисчислимы опасности преследовали «Листу» в пути. Как сам Морской Царь слал штормы и огромные пиратские флотилии, дабы помешать славному Рунгачу. И как отважный царь-мореход преодолевал все преграды. Как он спас друзей заморского волшебника от других заморских волшебников. А затем эти самые друзья помогли ему оставить с носом морских разбойников, создав волшебный ветер, благодаря которому Рунгач обставил пиратов с их неуклюжим драккаром. Да-да, описал вокруг них полный круг на безопасном, конечно, расстоянии – и был таков. Экипаж «Листы» согласно кивал и поддакивал – ведь на них ложились отсветы сияющей славы их царя и шкипера... Напоследок были продемонстрированы серебряный кубок Сопкона Рубина и несколько безделушек, подаренных Рунгачу мною... Одиссей вернулся на Итаку...

* * *

Наутро Ингви проснулся с головной болью – местное вино, так легко пившееся вчера, оказалось коварным... Кое-как уняв недуг при помощи общеоздоровительных заклинаний, демон оказал посильную помощь своим спутникам – их постигла та же беда. Особенно маялся эльф... Затем все вновь дружно повалились на убогие лежа в предоставленном им покое «палат» Рунгача – делать ничего не хотелось. Лишь

к вечеру путешественники выбрались в общий зал, где их ждал не то обед, не то ужин, состоящий из вчерашних объедков. Вином больше никто не злоупотреблял – даже Филька...

На второй день Ингви пошел осматривать остров. Несколько уютных долин, укрытых от ветра грядами холмов и скал, маленькая бухточка и хаотичное нагромождение каменных блоков, занимающее чуть ли не две трети острова с северной стороны – вот и все... В поселении островитян – убожество и варварская простота одежды и утвари. Впрочем, к местным жителям Ингви особого интереса не проявлял – его занимало другое. Сарнак обнаружил приятеля на прибрежной скале – тот стоял, уставившись вдаль, туда, где темной полосой маячил Большой Длинный Эману. Тридцатью метрами ниже ревели волны, бушуя и пенясь у подножия серых скал, ветер, налетая порывами, трепал и раздувал поношенный плащ опального короля – некогда черный, а теперь приобретший буровато-серый темный оттенок...

– Что скажешь?

– Знаешь, Сарнак, я тут побродил по окрестностям... Есть кое-что любопытное...

– Что ты имеешь в виду?

– Я пытался колдовать. И знаешь – выходит. Конечно, ма-ны здесь не в пример меньше, чем в Море, но все же... А в море – помнишь?

– А чему здесь удивляться? Ведь растения и дикие зве-

ри... Здешних коз вполне можно считать диким зверьем.

– Сарнак, мы не в Море! Ты считаешь, что Гунгилла присутствует и здесь?

– Ингви, ты ли это говоришь? Ты же всегда посмеивался над религией... Я помню...

– Я с юмором относился к тому, как церковь трактует реально существующие явления. Но факт остается фактом – имеется зеленая мана, недостаток которой мешал колдовать в открытом море. И имеются деревья и козы. Идем спросим у Фильки.

Эльфа маги обнаружили валяющимся под деревом в саду Рунгача. Князь Филлиноэртли натряс охапку местных плодов и наслаждался. Друзей он приветствовал энергичным взмахом руки – с зажатого в горсти огрызка сыпанули сладкие липкие брызги.

– ...Ну да! Есть присутствие Матери и эльфу здесь дышится легче, чем в море. Пустом, совсем пустом море... – эльф приподнялся с расстеленного в траве плаща и, покопавшись где-то под собой, извлек флягу, отхлебнул, – правда, это все не то – и листва здесь какая-то серая, и трава какая-то жесткая... Здесь мало ее, Гунгиллы-то, Матери... Но есть... Есть...

Беседу прервали крики, доносящиеся со стороны бухты. Крики были не тревожными и местные, спешащие на берег, выглядели скорее любопытными, чем испуганными... Обогнув дом, приятели столкнулись с Ннаонной и Кендагом.

– Что случилось?

– В бухту входит парусник.

– Чужой?

– Не с Малой Руганы, но местный – видно кто-то из соседей...

В дверях «царских палат» показался Рунгач, управлявший на тощих плечах какую-то красную хламиду, потрепанную и грязноватую. Парадное одеяние царя украшала линялая золотая бахрома. Довершал наряд металлический обруч на голове и несколько тесемок и ремней с начищенными медными бляхами. Выглядел владыка Малой Руганы недовольным и встревоженным...

– Что, Рунгач? – спросил Ингви, – чей это парус?

– Гость ко мне... Проныра приехал.

* * *

– А теперь, ученик, пришло время обучить тебя еще одному заклинанию. Такому, которое позволит тебе заблаговременно узнать о приближении какого-нибудь человека. Повторяй за мной...

Конта послушно повторил. Затем маг с учеником принялись ждать, усевшись на поваленное дерево неподалеку от дороги и закутавшись поплотнее в плащи. Спустя десять минут Конта шумно икнул, затем произнес:

– Ой!

– Ага! Что, ученик? Ты чувствуешь? Ощущаешь приближение некоего человека? Так вот – это действие заклинания!

– Прошу прощения, мастер Гельда, но меня это комар укусил... То есть потом укусил, а вначале я и впрямь словно как увидел... Человек, да не один...

– Слава Гилфингу, он наконец-то «и впрямь словно как увидел»!.. Постой, то есть как это не один? Один! Или ты более восприимчив к магии, нежели твой старый...

Послышался скрип колес – из-за поворота выехала телега.

– Ну да, не один – с телегой.

– Уф-ф... Ты что же и телегу магически почуял, а? Странно, заклинание выявляет только мыслящие существа...

– С вашего позволения, мастер Гельда, человека я учуял, а телегу услышал. Не смазаны колеса-то. Скрипят.

– Э-э-э... Ладно. Однако человека ты почуял магически, не так ли?

– Вроде так. Я услышал скрип колес – не смазаны колеса-то. А телега сама не едет – стало быть и человек при ней.

– И все?

– Все. А потом я, значит, это... Словно кто-то в темя меня толкнул, – Конта опасливо глянул на колдуна из-под капюшона, заметив, что учитель начинает сердиться, – потом как толкнули меня. Вижу картинку такую – едет мужик на телеге – вот этот самый мужик-то... А потом меня комар укусил, а потом вы, мастер, меня спросили... Нет, сперва вы сказали «ага», а потом уже спросили...

Поясняя свои ощущения, Конта указал рукой на «вот этого самого мужика». Тот, с опаской оглянувшись на странную парочку, поспешно отвернулся и стегнул свою сонную клячонку, торопясь миновать путников. Отъехав на полсотни шагов, мужичок еще раз оглянулся и принялся крутить рукой, скороговоркой бормоча: «Гилфинг Светлый, отец всего сущего, о Гилфинг Светлый, творец Мира, к тебе, великому, всемогущему, возношу свои мольбы...»

Маги молча проводили взглядом телегу, потом еще помолчали минут пять, затем Гельда с тяжелым вздохом продолжил:

– Итак, ученик, ты почувствовал результат заклинания. Действует оно недолго – от силы полчаса – во всяком случае у меня, а уж у тебя, наверное, и того меньше. Тем не менее я использую его для того, чтобы обезопасить наш ночлег. И заклинания хватает надолго. Как? – Гельда гордо подбоченился, – а при помощи амулета Гергуля Старого! В этом маленьком приборчике заклинание обнаружения сопряжено с заклинанием длительности действия. Точно не знаю, как старый прощелыга такое состряпал, но мне знать и не нужно. Важно, что Гергуль дал задарма мне свой секретный амулет и теперь он служит мне верой и правдой. И уже крепко пригодился, когда я обнаружил в твоей поклаже чужой медальон – помнишь? Не сомневаюсь, что его подсунул тебе Гимелиус для того, чтобы потом сподручнее было выследить. Да. И тот человек, что следил за тобой в день нашей встречи – не

иначе какой-то из его Изумрудиков... Помнишь?

– Да, учитель. Это тогда, когда вы окончательно воскресли из мертвых...

– О Гилфинг, дай мне сил и терпения, чтобы сносить простоту этого юного недотепы!.. Конта, сколько раз я должен тебе повторять, что я...

Глава 5

Старик именно так и сказал – Проныра. Если я правильно понимаю, слово «фельпют» на языке островитян означает – проныра, пройдоха, словом личность, склонная к мошенничеству; но вместе с тем – человек бывалый и тертый. У Рунгача «фельпют» прозвучало, как имя собственное – Проныра... Корабль Проныры ткнулся к берегу рядом с «Листой», в воду спрыгнули несколько человек. Ого, кое-что новенькое – двое пришельцев осторожно приняли на плечи очередного человека с палубы и бережно перенесли на сухое. Насколько я помню, даже суперзнатный и могущественный Алгано Лучич не гнушался замочить ножки... Не иначе, как этот недоtroга – сам Проныра...

Вновь прибывший оправил одежды и не спеша двинулся к Рунгачу, вышедшему встречать гостей в сопровождении нескольких стариков. Мы, как подобает почетным гостям, держались несколько в стороне и позади. Проныра оказался низеньким мужичком непонятного возраста – на вид ему могло бы быть и тридцать пять, и пятьдесят. Смуглый, толстенький, слегка пучеглазенький... Когда он приблизился к группе встречающих его старых руганцев, сразу бросился в глаза контраст в одежде. Наряд гостя выглядел чистым и аккуратным, что, мягко говоря, нехарактерно для местных. Одет он был в коротенький халат и шелковые шаровары,

алый кушак и здоровенный кинжал в ножнах, украшенных сверкающими бляхами, а также тяжелая цепь на упитанной груди (честное слово, золотая!) делали его прикид недостижимо роскошным... М-да, такую красоту не грех и поберечь, заставив матросов нести себя на берег. Интересно, как он соблюдает чистоту на вечно грязной и мокрой палубе? Или она у него коврами застелена? Пожалуй, скорее всего он переделся к встрече, а в море наряжается, как и все здешние – и попроще, и погрязнее...

Обменявшись несколькими приветственными словами с хозяином и его оборванной свитой, франт Проныра вдруг повернулся к нам и... Довольно низко поклонился мне, сложив пухлые ладошки вначале перед собой – так, что в конце поклона руки оказались выше головы. Если я правильно догадываюсь, это, согласно принятому здесь этикету – верх почтительности. А потом этот фрукт обратился ко мне на общем:

– Приветствую ваше королевское величество. Позвольте засвидетельствовать свое восхищение. Свою радость видеть столь возвышенную и героическую особу!

– Ну, привет... – это все, на что хватило лично меня. Давненько ко мне так не обращались...

– Ого!.. – это Ннаонна.

– Э-гхм... – а это Кендаг.

Филька присвистнул, а Рунгач и его деды возвращали на место отвисшие челюсти молча. Общего они не знали, но же-

сты и тон приветствия гостя оказались достаточно красноречивы. Выстоял один лишь Сарнак – видимо, в свое время его неплохо вымуштровали Гельда и этот, как его, Керкес-дорожник, отучив проявлять удивление...

Ну а дальше Рунгач совладал с эмоциями и повел гостя в палаты – угощать и обсуждать дела. Мне с ними не захотелось (хотя, в принципе, можно было бы) и я с друзьями остался на берегу. С моря дул теплый влажный ветерок, настроение было ленивое, хотя этот Проныра меня слегка встревожил. Впрочем, чего волноваться, судя по его облику и знанию языка, он, видимо, бывал в Энмаре... Да, скорее всего, так... Ну и сопоставив все сведения о нас с последними событиями, он догадался... Стоп! Он что же, побывал в Энмаре позже нас? А ведь мы добрались очень быстро – с ветерком... Спешащим... Добрались, если верить Рунгачу, кратчайшим путем, а там нас едва не поймали северяне – этот драккар, скорее всего, до сих пор там крейсирует... А Проныра, значит, и вслед за нами поспел, и с пиратами разминулся? А впрочем, возможно и так... Почему бы и нет... Да и какое мне дело?..

Часок примерно спустя ко мне вышел Рунгач и принялся, отводя глаза и нервно теребя свои медные цапки на ремешках, жаловаться на судьбу. Судьба была тяжелая. Очень трудно, оказывается, быть царем такого маленького острова, держаться независимо и притом гордо хранить верность своему «великому царю». Дела идут из рук вон плохо, торговля

в упадке из-за пиратства северян, чтоб им подавиться собственными потрохами, чтоб их... Впрочем, дело не только в них. Дело в Проныре. Он так ловко обошел Рунгача, что тот оказался кругом у хитреца в долгах. Но ушлый Проныра не наседал раньше времени – и даже сам предложил Рунгачу способ выпутаться из долгов, да еще и остаться при бабыше. Предложение было такое – Проныра снаряжал Рунгача в плавание, давал наивыгоднейший груз – знаменитое вино Перельты – острова, славящегося этим продуктом. Давал также и список товаров, которые надлежало приобрести в Энмаре. Когда Рунгач поинтересовался, почему же Проныра не желает повернуть дело самостоятельно, тот в ответ долго объяснял, закатывая глаза и сплетая жирные пальцы, что известный мореход славный царь Рунгач справится лучше, нежели толстый и неповоротливый лентяй (то есть он сам), к тому же всем известно, что славный царь дружен с влиятельным в Энмаре колдуном Сопконом – а уж тот поможет повернуть все в лучшем виде. И не платя пошлин. К тому же это – отличный способ рассчитаться с долгами, а ведь Проныра заинтересован в возврате своих денежек, да и дела у него есть здесь, на родных островах – некогда отправляться в далекое странствие на север... Словом лести и посулы сделали свое дело – они ударили по рукам...

Но, как известно, человек предполагает, а Гили располагает... Вышло же, что если не Морской царь, так уж точно Гага злой послал проклятых пиратов (чтоб им, козьему дерь-

му, утонуть вместе с их драккаром вонючим и т. д.). Тяжело груженная бочонками с вином «Листа» никак не могла оторваться от северян – пришлось выкинуть за борт и груз, и все надежды...

И вот теперь Проныре нужно отдавать и долги и часть несостоявшегося барыша – они ведь условились именно так... Вот, кстати, яркий пример непоследовательности и легкомыслия островитян – пока Проныра не появился на Малую Ругану лично – Рунгач и не думал горевать...

– М-да, Рунгач, и впрямь плохо дело... Что ж делать-то будешь?

Тут старик, и раньше на меня не глядевший, вовсе опустил глаза:

– Да есть один способ... Проныра предложил...

* * *

– И какой же такой способ? – прищурился Ингви.

– Да вот, Проныра говорит... Говорит – ты сам был великий царь, там, на севере... И первейший воин и чародей, говорит...

– Та-ак... Дальше.

– Еще говорит, что один ты сможешь моему великому царю Лучичу помочь. Можешь Большой Эману от злодеев отстоять...

– Ага, и ты, значит, должен меня убедить за это взяться.

А тебе что взамен?

– Четверть долга простит. Остальное на год отложит. Платить, значит, остальные три четверти через год... Так ведь и тебя великий царь Большого Длинного Эману вознаградит. Он щедрый, наш царь Алгано Лучич! Страсть какой щедрый! А уж ты постарайся, а? – тут Рунгач впервые поднял глаза на своего гостя, во взгляде была мольба.

– Послушай, Рунгач, а ты не замечал, что все советы твоего Проныры плохо заканчиваются? Да и как же я по-твоему справлюсь с оравой головорезов?

– Проныра говорит, что ты самого великого Императора севера одолел...

– Проныра говорит... А чего я, по-вашему, здесь тайно скрываюсь, если всех победил? Этого твой Проныра тебе не говорил?

– Ой, чужеземец, не знаю я... Он говорит – ты сможешь! Ты уже раз меня спас – тогда в море, спаси уж и второй раз...

Ингви задумался – Рунгача было жалко. И просил он так трогательно...

– Ну вот что... Постой, а самому Проныре какой с этого интерес?

– Не знаю...

– Ты, Рунгач, ему ведь много задолжал?

– Ой, много! Страсть, как много!

– И даже четверть от этого – уже деньги немалые. А этот прохвост их так вот простит? Не верю! Интересно, сколько

он с твоего великого царя под это дело слупит? Вот что, старик – сам я такого решить не могу. Сперва с друзьями посоветуюсь. Постой-ка здесь и подожди.

Затем Ингви вкратце передал содержание беседы своим спутникам:

– Что скажете? Давайте решать, а то я и так Рунгача попросил прямо здесь подождать – боюсь, иначе он кинется всех своих подданных собирать – всем вместе нам в ноги кидаться...

Все молчали. Первым высказался, как ни странно, Сарнак:

– Я «за». Плыдем на Большой Эману.

– Ну, вообще-то, Рунгача жалко, – подхватила Ннаонна, – но вот разбойники...

– Сразиться с морскими разбойниками – это большое дело, конечно, – встрял Кендаг, – но ведь и сами люди этого острова в стороне не останутся, так ведь? Ну будем биться с ними вместе... Не в первый раз нам...

Филька промолчал – похоже, эльфу было все равно...

– Ладно, значит я понимаю так, что никто не против? Правильно? – подвел итог демон, – м-да... Ну не нравится мне, откровенно говоря, этот Проныра... И советы его, и все другое... Как-то подозрительно... Но с другой стороны, если я откажу – так Рунгача его старший царь все равно на подмогу позовет... Рунгач на «Листе» со своими мужиками отправится, а мы здесь останемся ждать неизвестно чего...

Неудобно как-то, нехорошо... И вот еще что – мы, значит, останемся здесь – и у нас ни корабля путного под рукой не будет, ни моряков знающих. Словом, застрянем здесь... Надо соглашаться, что ли?

Похоже было, что демон сам старательно подыскивает предлог, чтобы оправдать свое согласие – как будто ему было неловко признать тот факт, что он просто хочет помочь Рунгачу. Он вновь обвел взглядом друзей – все опять замолчали. И снова заговорил Сарнак:

– Значит, плывем на Большой Эману.

– Ну что ж, – кивнул демон, – в таком случае я пошел. Соглашаться. Но говорить буду теперь не с Рунгачем, а с этим франтом, Пронырой. Посмотрим, что я из него смогу вытянуть... Ведь он неспроста так старается, ох неспроста!

За два с лишним часа переговоров «вытянуть» удалось немало. К концу разговора Рунгач, глядевший на Ингви с видом преданнейшей собаки, уже получал прощение трех четвертей долга, а на остальное – отсрочку в два года, да и демон тоже выговорил себе кое-какое вознаграждение в звонкой монете лично от Проныры (помимо того, что несомненно отвалит Лучич). Правда, Проныра пояснил, что великий царь Алгано Лучич ждет от чужеземцев, что они управятся сами – без вмешательства ополчения Большого Длинного Эману... Услышав это, Ингви пробормотал что-то неприличное на демонском языке, но тем не менее, отказываться не стал – высокие договаривающиеся стороны ударили по

рукам.

* * *

На Большой Длинный Эману отправились следующим же утром. Ингви решил с друзьями плыть на «Листе», а не на паруснике Проныры, хотя тот и приглашал их весьма усердно, суля уют чистой каюты. Кстати, забавная деталь – судно толстяка носило гордое имя «Фельпют», то есть «Проныра». Толстяк назвал свой кораблик собственным довольно обидным прозвищем. Что это – ирония, некий вызов?.. В таком случае – достойно уважения, но плыть все же следует на судне Рунгача. Рассудил демон так: если спаситель прибудет на «Проныре» – Проныра же и заработает очко в глазах жителей Эману и их царя, а Рунгач, пришедший на «Листе» следом – вроде как останется не при чем. Так пусть лучше именно Рунгач вернет на остров надежду – привезет на борту своей старой посуды... Правда, в случае неудачи пришельцев ему же, Рунгачу, все и припомнят. Всеми этими рассуждениями Ингви поделился со стариком – тот в ответ лишь пожал плечами, мол, семь бед – один ответ...

На Большом Длинном гостей ожидали – словно великий царь Алгано Лучич был заранее уверен в успешном завершении миссии Проныры. Едва лишь «Листа» и «Фельпют» ткнулись носами в берег – тут же к ним на пляж вышли несколько человек, до того сидевшие в жиденькой тени чах-

лых акаций. «Комитет по встрече» состоял из полудюжины крепких мужчин с копьями в руках, предводительствуемых колоритным дядей – бритоголовым здоровяком, увешанным ножами так, что каждый его шаг сопровождался мелодичным позвякиванием. Перед тем, как прыгнуть с борта «Листы», Ингви обратился к Кендагу, кивнув в сторону бритого:

– А что, лорд, у него-то клинков побольше, чем у тебя, а? Ты бы сосчитал... – и довольно неловко прыгнул вниз, так что набежавшая волна окатила его брызгами.

– Ингви шутит, – пробурчал лорд, прыгая следом.

– Кендаг, считай ножи! – тут же засмеялся Филька, всегда обожавший подобные незамысловатые шутки.

Тем временем Проныра вновь переправился с судна на берег, благоразумно пользуясь плечами своих слуг. Подойдя к лысому, он поклонился (примерно на четверть от «моего» поклона, – прикинул Ингви) и объявил:

– Как и было обещано великому царю, я доставил на ваш остров единственного, кому под силу совладать с ужасом северных морей – страх наводящего и могущественного колдуна. Его нечеловеческая сила и коварство спасет Большой Длинный Эману от ярости варваров! Веди же нас во дворец Алганов, могучий Липич! – и затем пояснил гостям на общем, – это Липич, *тамейон* царя Лучича, по-вашему капитан стражи.

Тамейон скептически оглядел «нечеловечески сильного и страх наводящего колдуна» с головы до ног – тот явно не

произвел на воина впечатления, но, не промолвив ни слова, повернулся и пошел вверх по пологому склону – в сторону города. Собственно говоря, город начинался метрах в пятидесяти от кромки берега лачугами местных голодранцев. Достаток жителей Эману возрастал вместе с подъемом в гору. Чем выше по склону – тем дома были больше, чище и богаче. Венчал эту своеобразную пирамиду обнесенный стенами каменный царский дворец, оседлавший холм. Вслед за тамейоном зашагали и гости – впереди Ингви с Пронырой, за ними – остальные чужеземцы. Следом плелся Рунгач, втягивая голову в плечи и стараясь стать незаметным. Завершали процессию копейщики. По мере того, как гости и стража поднимались на холм, между домов стали собираться люди. Островитяне, как обычно, галдели, смеялись и показывали на чужеземцев пальцами, громко обсуждая внешность пришельцев. На них совершенно не лежала печать обреченности – веселые и жизнерадостные обитатели Эману не тяготились нависшей над островом смертельной угрозой... Их легкомысленная готовность веселиться без причины напоминала бы, пожалуй, нрав эльфов, но Ингви уже знал – достаточно малейшего повода и эти неимоверно радостные люди так же неимоверно загрустят. И точно так же целиком отдадутся тоске и унынию, на что эльфы, разумеется, не способны.

Наконец они достигли дворца. Ворота были распахнуты и охранялись еще несколькими крепышами с копьями. Липич провел гостей за стены и предложил всем, кроме «большого

колдуна» подождать в тенечке у стены.

– А тебя, – обратился он к Ингви, – великий царь желает видеть немедленно. Велел вести к нему сразу. Одного.

Затем еще раз повторил: «Одного», пресекая попытку Проныры увязаться следом. Ингви глянул в темный провал дворцовой двери, оглянулся и спросил:

– Кендаг, ты помнишь?

– Широкий вход?

– Ну да... Чем-то похоже, нет? – затем демон привычным движением поправил амулет на груди, меч за плечами – и с кривой ухмылкой шагнул в темноту...

Глава 6

Дворец Алганов был невелик, хотя и замысловато устроен – и спустя пару минут полутемные галерейки и лестнички вывели тамейона и идущего за ним Ингви к двери, украшенной резьбой и инкрустациями. Участок коридора перед порталом был, наоборот, очень ярко освещен множеством факелов и ламп и охранялся несколькими стражами. Поскольку быт островитян, как успел убедиться Ингви, устроен патриархально просто и незамысловато – демон резонно предположил, что вся эта торжественность предназначена именно для него. Царь Лучич пытается произвести впечатление на заморского героя – мол, и мы не лыком шиты. Вполне понятно – после того, что здесь наплел Проныра о легендарных похождениях гостя, тем более, что Империя Севера для местных – сказочное поприще приключений сверхъестественных существ...

Итак, тамейон, все время шедший впереди Ингви, распахнул дверь и сделал приглашающий жест, предлагая гостю войти. Оказавшись внутри, Ингви невольно сощурился – комната была освещена ярким солнечным светом, льющимся из окна – по сравнению с ним все факелы и лампы в коридоре казались полумраком. У окна стоял мужчина. Когда дверь открылась, он обернулся и уставился на вошедших (увешанный ножами Липич следовал за гостем). Про-

моргавшись, Ингви также внимательно посмотрел на царя, затем догадался, что от него ждут первого приветствия. Демон сдержанно поклонился – Алгано Лучич скопировал его поклон, очевидно желая показать, что считает статус гостя равным своему. С минуту оба молчали, затем царь промолвил:

– Мне было любопытно увидеть человека, который – если верить Проныре – один способен одолеть ужас Севера, морских разбойников... А Проныра всегда хорошо осведомлен...

– На этот раз Проныра осведомлен плохо – я не человек.

– Э-э-э... Об этих вещах следует говорить с подобием Гили, а не со мной. Однако ты, чужеземец, действительно можешь защитить мой остров?

– Я на многое способен. Я сильнее любого из твоих подданных. Но я не всемогущ.

– И все же... Я бы хотел получить точный ответ.

– Повелители всегда хотят точных ответов на трудные вопросы. Что я могу сказать?... Я, скажем, могу своим мечом разрубить во-он тот камень во дворе, – Ингви кивнул за окно, – это займет секунды, но если я задумаю разрушить холм, на котором стоит этот дворец... Что ж, пожалуй, справлюсь. Лет так за триста – триста пятьдесят... Прежде, чем дать ответ, мне нужно узнать, насколько сильны враги и какую помощь мне окажут твои подданные, царь.

– Ладно. Что до врага – в настоящий момент на Карассе

три драккара. Вот-вот ожидается прибытие четвертого – и еще там есть сколько-то разбойников с других кораблей. Если верить Проныре, это двести восемьдесят человек – и все они захотят принять участие в нападении на самый богатый остров Архипелага. Да еще Торгич-предатель со своей дружиной тоже... Это очень большая сила. Если не справишься ты – то помощь моих людей не сможет сколько-нибудь существенно повлиять на исход схватки... – при этих словах Липич досадливо поморщился и переступил с ноги на ногу, ножи звякнули. – Однако Проныра уверил меня, что ты и сам...

– Проныра, Проныра... Почему-то его словам здесь все верят, хотя он очень похож на плута, обманщика и предателя.

– А он такой и есть, – спокойно ответил царь, – когда-нибудь он будет обманывать и предавать меня. Но не сейчас.

– Откуда такая уверенность?

– Ему невыгодно. Если он возьмется помогать разбойникам – ему не заплатят, они и так уверены в победе. Поможет мне – заплачу щедро, ибо без его помощи я обречен. Кстати он что-то говорил о том, что ты побеждаешь врагов не только силой, но и коварством.

– Ах да, мое коварство... Ну конечно, ведь силой я вряд ли... Что ж, мне надо подумать. Однако скажу сразу – не думай, царь, что ты и твои люди останутся в стороне. Не выйдет... А что говорит Проныра – когда ждать нападения?

– Он не говорит точно, но дней пять-шесть, пожалуй, у тебя будет.

– Что ж, значит пять-шесть дней. Хорошо. А кстати, на какую награду я могу рассчитывать?

– Награду? Но я же договорился с Пронырой...

– Не понял – Проныра сказал, что я полезу в **такую** драку бесплатно?

– Нет, я обещал ему награду, если он спасет мой Эману. И он посулил твою помощь...

– Та-ак, понятно. В таком случае – я требую такую же награду, какую вытребовал он.

Алгано Лучич побледнел, как мел:

– Это невозможно!

– Вот как. И что же, интересно, обещано этому коротышке?

– Я пообещал ему, что мы спустимся в подвалы этого дворца и он сам отсчитает себе половину сокровищ рода Алганов... Если я отдам вторую половину тебе, чужеземец...

– Х-м, задача... Ну не знаю, что и сказать...

– Предоставим решить эту задачу Вевену, подобию Гили.

* * *

Следующим номером программы было посещение «подобия Гили» в его апартаментах. Ингви было любопытно взглянуть на представителя знаменитой семьи, игравшей та-

кую значительную роль на островах. Пожалуй, в Мире не нашлось бы аналогов этой странной касте... Царь Лучич вновь повел гостя по узким кривым галерейкам. Сзади слышалось тяжелое топанье, сопровождаемое мелодичным позвякиванием клинков. Ингви непроизвольно поеживался – его явно раздражало то, что у него за спиной постоянно находится тамейон, кажущийся, как бы то ни было, человеком опасным. Однако он не высказывал своего недовольства открыто, опасаясь показаться с одной стороны невежливым, с другой – трусливым. Раз уж его здесь отрекомендовали, как великого героя – надо держать марку.

Пресловутое «подобие» оказалось человечком небольшого роста, жирненьким и дрябленьким, насколько это можно было предположить под многочисленными одеяниями, скрывавшими его фигуру. С одутловатого лица, обрамленного реденькой бородкой, глядели прозрачные водянистые глазки. Взгляд этот казался скорее простодушным, нежели проницательным или мудрым. И вообще, весь облик подобия Гили Вевена говорил о слабости – и слабости тела, и слабости разума. Тем забавнее для Ингви была трогательная почтительность, с которой царь обратился к гермафродиту, приветствуя его и представляя гостя. Вевен тут же откликнулся, добродушно и вежливо поздоровался с пришельцем и заявил, что они, ревнители истинной веры, очень много в свое время говорили о демоне, ставшем одним из царей Севера. Обсуждали так и этак и наконец пришли к выводу, что

Гили не против. Дескать, демон – существо иного мира, не творение Гили и стало быть не подпадает, так сказать, под юрисдикцию подобных. Им, подобиям, надлежит классифицировать и судить все и вся, что создано Гили Добрым, а демон – вне этого. И стало быть пользоваться его услугами не зазорно – ежели услуги эти направлены к благу.

Ингви быстро откликнулся:

– Прошу прощения. уважаемый, мне это не нравится. Согласно вашей логике я – вне закона.

– И что же? – так же тихо и кротко поинтересовался Вевен.

– Ну-у... Какая, скажем, кара положена согласно вашему закону убийце человека?

– Наказания различны – выкуп, изгнание, разного рода казни... Зависит от обстоятельств совершения убийства.

– Ну а если убитый – не творение Гили? Тогда убийство, очевидно, не грех, так? Ведь убийца оборвет жизнь, не созданную божеством?

– Пожалуй, что так, – голосок Вевена был по-прежнему тих и полон доброжелательства.

– Стало быть, убить меня для истинно верующего не зазорно и не грозит карой вашего закона?

Ингви взгляделся в мутные глазки подобия, за спиной демона вновь раздалось мелодичное звяканье, это переступил с ноги на ногу увешанный ножами Липич – ему умозаклечения демона, похоже, понравились. Вевен только молча мор-

шил низенький лобик.

– Значит так, – заявил Ингви, – прежде всего я хочу получить следующее признание: Гили не создал меня, однако сознательно привел на эти острова – стало быть я также нахожусь под защитой его закона. Ибо он сотворил не меня, а мое присутствие, что, впрочем, практически одно и то же. Уверен, что подобия смогут сформулировать более красиво.

Вевен кивнул:

– Да... Да, так оно и есть. Не создал здесь, но сюда призывал.

– Э-э-э... – вмешался в беседу царь Лучич, – это, конечно, интересно, но у меня другой вопрос к тебе, достойный Вевен, – насчет предстоящей награды.

И затем царь изложил содержание проблемы. Подобие на несколько минут задумался, после чего объявил:

– Слово царя – закон. Что обещано Проныре, то он и получит. Проныра и гость наших островов, демон, обладают перед Гили равным правом – великий царь Алгано Лучич принял помощь Проныры, тот, в свою очередь, принял помощь демона. Ты, демон Ингви, попросил того же, что и Проныра – то и получишь же. Он получит половину того, чем владеет призвавший его царь – ты имеешь право на половину того, чем располагает в этом деле Проныра, то есть на половину половины казны Большого Длинного Эману. Это решение великого и благого Гили Доброго, данное вам его подобием.

Решение было вынесено строгим тоном, полным достоин-

ства и уверенности. Ингви лукаво прищурился:

– А как быть с той наградой, что обещана мне самим Проньрой?

– Это ваше с ним личное дело, – тут же отрезал Вевен, – как вы с Проньрой между собой решите – так тому и быть... Впрочем, если не сможете разобраться сами полюбовно – обратитесь за советом ко мне, подобию Гили Большого Длинного Эману. У нас все так поступают.

– Ну что ж, – усмехнулся Ингви, – мне нравится, как у вас тут действует правосудие... Царь, я принимаю эту службу.

* * *

Сразу же по окончании аудиенций во дворце Алганов Ингви занялся делом. Точнее, попытался заняться. Он потребовал карту острова – таковой не оказалось. Потребовал немедленно созвать все боеспособное мужское население Большого Длинного Эману – ему отказали (мол, это невозможно сделать быстро). После еще двух-трех столь же успешных попыток приступить к делу он наконец уgomонился и велел вести себя в предоставленные ему апартаменты. Выяснилось, что во дворец наемников не приглашают – им предоставляют отдельное здание, до того пустовавшее. Ингви, пожав плечами, заявил, что так, пожалуй, даже лучше и удалился в отведенный ему дом, как Ахилл – в свой шатер. Проньру он пригласил «в гости», на что тот с энтузиазмом

согласился. Держался толстячок весьма предупредительно, поскольку еще ничего не знал о результате переговоров царя со своим протеже – высокие договорившиеся стороны постановили держать купца в неведении до последнего.

В ответ на все расспросы Проныры Ингви отмалчивался или советовал обратиться за разъяснениями к тамейону, а тот лишь молча кривил рот и чесал бритое темя... В конце концов Ингви объявил:

– Коротко говоря, мы пришли с царем к согласию, а подробности... не важно. Об этом есть решение вашего превосходного... подобного Вевена. Да и некогда сейчас заниматься пустопорожними разговорами – вот-вот навалится враг, а я еще толком ничего не знаю из того, что должен знать. Поэтому так – сегодня спрашиваю только я, ясно?

– Да-да, конечно, как будет угодно вашему величеству, – подобострастно закивал Проныра, – любые вопросы, любые ответы...

«Любых вопросов» демон тут же задал довольно большое количество. Интересовало его многое – какие места на острове пригодны для высадки десанта, какие из этих мест более предпочтительны для неприятеля; кто командует драккарами, их привычки, нравы, любимые тактические приемы, а также подробности взаимоотношений между ними. Ну и еще многое другое. Беседу прервало появление присланных царем Лучичем слуг, доставивших ужин. Демон подождал, пока слуги расставят подносы со снедью и удалятся, затем

махнул рукой – мол, присоединяйтесь – и продолжил расспросы за едой. Несколько часов спустя он отпустил Проньру с Липичем, так ничего не объяснив ни купцу, ни тамейону, ни своим друзьям. Ннаонне, которая была особенно настойчива, он лишь бросил свое любимое:

– Я должен все обдумать... – и помолчав добавил, – завтра поговорим.

Наутро Ингви проснулся очень рано и в задумчивом настроении не спеша побрел в сарайчик, устроенный рядом с их особняком для отправления нужд. Выйдя из «заведения», он с удивлением и смущением обнаружил, что вся его компания собралась на крыльце и ждет.

– Ну-у? – выжидательно протянула Ннаонна.

– Не «ну», а с «добрым утром, ваше величество», – Ингви тщетно пытался скрыть, что сконфужен, – неужели до такой степени невтерпеж?

– Ингви, мы не в Альхелле, – более терпеливо пояснил Сарнак, – здесь все более как-то... опасно... более серьезно...

– Ладно, сейчас поговорим, – Ингви огляделся вокруг, на заборе, отделявшем их двор от соседнего, уже сидели рядом несколько черноголовых смуглых пацанят и не было гарантий, что за гостями не следит кое-кто постарше, – зайдем-ка внутрь.

Вернувшись с друзьями в дом и заперев дверь, Ингви вновь воровато огляделся, затем прочел вполголоса несколь-

ко заклинаний (он пытался определить, не подслушивают ли его) и наконец заявил:

– Значит так. На острове не меньше дюжины мест, идеально подходящих для высадки десанта и до Гангмара мест подходящих менее, но вполне пригодных – это раз... Победить в честном бою у нас силенок вроде бы не хватит – это два. Отсюда вывод: единственный способ для нас – это засада. Коварная ловушка. Три. Но...

– Но где устраивать засаду мы не знаем – так? – подхватил Кендаг.

– Четыре, – кивнул Ингви. Он любил точность.

– А как же быть? – тут же спросила вампиресса.

– Устроить засаду в одном месте и надеяться, что сработает. Что разбойники нападут именно здесь – в столице.

– Ясное дело, что здесь, где же еще-то? – засмеялся Филька, – они всегда так поступали, как говорит Проныра.

– На то он и Проныра, чтобы я не вполне ему доверял, – несколько неуверенно ответил Ингви, – но тут ведь... Ну, я так мыслю, что разбойники ему столько не заплатят, сколько он с царя затребовал. И они действительно всегда так нападали... Хотя прежде на «великие» острова они не осмеливались... И я бы лично никогда прямо так на столицу не напал... На их месте... Хотя трудно сказать – я о них почти ничего не знаю наверняка... в основном со слов того же Проныры...

Каждую реплику демон произносил все тише – так что

последние слова он уже еле слышно бормотал себе под нос.
Он не был уверен ни в чем.

Глава 7

– Честно говоря, – заявил Ингви своим друзьям, – у меня просто опускаются руки. Здесь я не обладаю ни властью, ни возможностями, к которым привык в Альде. Остается лишь надеяться на то, что у противника такой же бардак и дело поставлено так же бестолково, как здесь, на Большом Эману... Однако делать все же что-то надо. Точнее, надо делать много чего. Поэтому разделим обязанности. Филька, сегодня здесь начнут собираться все мужчины острова. Я велел Липичу согнать всех – от подростков до стариков. Проверишь, как у них насчет владения луком. Очень тебя прошу, отнесись к этому серьезно. Хотя нет, не выйдет... Ничего серьезного тебе поручать нельзя... Кендаг, тогда ты. Задача такая. Мне не нужно мастеров лука – мне нужна толпа парней, умеющих просто натягивать тетиву.

– И все?

– Ну и попадать с пятидесяти метров в двухметровую мишень. Нет. В десятиметровую мишень.

– Ингви шутит?

– Нет, не шутит. Поскольку ни в коем случае я не могу рассчитывать на их ополчение в рукопашной – я попробую получить массированную стрельбу. Что касается двухметровой мишени – я хочу, чтобы триста или четыреста стрелков (а лучше бы и больше) могли попасть с пятидесяти метров

в толпу врагов или в их корабль... Просто в толпу или в корабль...

– Пятьдесят метров – это исходя из убойной силы короткого лука?

– Именно. Кстати, наверняка такого количества луков и стрел на острове нет – и то, и другое нужно начать готовить тут же... Так вот, ты проверишь всех, кого Липич тебе покажет. Заведомо негодных – по домам. Тех, кто имеет хоть малейшую склонность – поставь учиться. И помни – мне не нужна горстка элитных стрелков экстра-класса. Мне нужна толпа, способная поднять в воздух тучу стрел. И чтоб эти стрелы летели в более-менее правильном направлении... С этим все. Теперь ты, Сарнак. От тебя мне потребуется вот что... Ты найдешь во дворце канцлера или еще кого, словом, кто распоряжается ресурсами... Хотя нет. Сначала я сам потребую у царя. Нам понадобятся их суденышки – все, что похуже.

– Похуже?

– Ну да, десятка два этих посудин. И чтобы у каждой на корме был Спешащий Ветер. В смысле, шарик с заклинанием, бьющим в парус – чтобы каждое суденышко могло пройти без управления до ста метров и не потерять курс. Ну, рули там заклинить, паруса закрепить...

– Ты хочешь таранить драккары разбойников этими корытами? Ничего не выйдет!

– Посмотрим... В общем сейчас ты со мной двинешь во

дворец, там я потребую эти корабли, а потом ты займешься. Возьми в помощь нашего Рунгача. Он поможет тебе разобраться с оснасткой судов, да и как переводчик пригодится. Кстати, Кендаг, тебе тоже толмач понадобится. Возьмешь с собой Проныру – да гляди, не отпускай его от себя. Не хочу, чтобы такой прохиндей под ногами крутился и свой нос совал повсюду. Ну а я хочу еще раз переговорить с этим... подобием... Есть у меня одна идея... Филька, ты тоже будешь задействован. Если все выйдет, как я задумал – тебе предстоит великий подвиг.

– Это какой еще подвиг?

– А вот ты одним выстрелом разгонишь половину врагов. Если сумеешь выстрелить достаточно точно. Сможешь?

– Ты что же, демон, сомневаешься в мастерстве эльфа пускать стрелы?

– Да как тебе сказать? А может, и вправду поставить на это дело орка? Лорд Кендаг – отличный стрелок... И всегда спокоен и сосредоточен...

Ответные возмущенные вопли эльфа потонули в общем смехе – даже Кендаг ухмыльнулся, поняв замысел Ингви задеть Фильку за живое и тем заставить сосредоточиться на своем задании. Только сам князь, kloкоча от возмущения, никак не мог сообразить этого, так что орк, не скрывая злорадного удовольствия (ведь юмор доступен не оркам, а эльфам!), пояснил:

– Ингви шутит...

К вечеру второго дня Ингви, потирая руки, бросил Ннаонне:

– Кажется, все идет как надо! Все больше и больше этот грязный занюханный островок напоминает мне мою Альду.

Девушка согласно кивнула – Большой Длинный Эману никак не напоминал Альду, он скорее напоминал развороченный муравейник – как раз такой, в который в свое время демон превратил королевство. Почти пятьсот человек (от дряхлых стариков до десятилетних мальчишек) раз за разом пускали стрелы в мишени. Успехи их были сомнительны, но Кендаг вновь и вновь старательно и спокойно объяснял одни и те же основные принципы: не затаивай дыхание, отпуская тетиву на выдохе, плавно, не дергай рукой, следи за ветром и так далее... Тех туземцев, у кого не обнаружилось склонности к луку, Кендаг не отослал «по домам», как советовал Ингви – их лорд приставил изготавливать луки. То у одного, то у другого стрелка лопалась тетива, либо давало трещину древко оружия – наспех изготовленные луки оказывались ненадежными и недолговечными. Так что дело нашлось всем – тем более, что Кендаг потребовал, чтобы у каждого идущего в бой стрелка было по два лука. Ну и еще стрелы, которых должно было изготовить совершенно невероятное количество. Не менее свято орк выполнял второе поручение

Ингви – не отпускать от себя Проныру. Переводчику постоянно находилась работа – по сотне раз повторять все те же рекомендации инструктора Кендага...

Самому демону пришлось еще тяжелее. Трудности начались сразу же, как только он потребовал у царя Лучича пятьдесят судов. Именно пятьдесят – потому что Ингви уже уяснил, как здесь «делают дела». Ни один туземец (включая и царя) ничего не уступит без азартной торговли. Поэтому, потребовав настолько больше, он предоставлял оппоненту возможность выторговать большую часть того, что составляло предмет разговора. И так во всем... Кстати, на этом трудности не закончились – ведь самому Алгано Лучичу принадлежало не так уж и много кораблей... Так что вскоре Ингви, ухмыляясь, наблюдал, как грозный царь начинал требовать у какого-то купца двенадцать парусников, имея в виду получить два или три... И еще радовало то обстоятельство, что никто не оспаривает его требований в принципе – за исключением Липича. Тамейон, имевший претензию считать себя главнокомандующим вооруженных сил Большого Длинного Эману, был взбешен во-первых тем, что ему предпочли неизвестного чужестранца, а во-вторых (и это, пожалуй, было главным) он совершенно не мог понять смысла отдаваемых демоном распоряжений. Почему сотни его соотечественников учатся пускать стрелы, если ясно, что толком они этим искусством все равно не овладеют? Зачем сотни запасных луков и тысячи стрел? Почему предпочтение ча-

стенка отдается дряхлым старикам и юнцам, тогда как сильные мужчины мастерят стрелы и чинят луки? Что же до реквизированных судов – вообще непонятно... Да, островитяне предпочитали сражаться на море, но сейчас для дела отбились старые негодные суда (требование к ним предъявлялось одно – чтобы держались на воде), к тому же к ним не формировались команды и боевые отряды для десанта либо abordaja... Собственно никто вообще не готовился сойтись с врагами в схватке, не точились ножи, не готовились копья и щиты... В ответ на все расспросы тамейона Ингви только ухмылялся и предлагал не беспокоиться. А сам Ингви переходил от одного непонятного дела к другому, сопровождаемый Филькой, который старательно изображал зевоту и делал вид, что ему ужасно скучно, да Ннаонной, которой скучно не было, а было любопытно разузнать планы Ингви – но он ничего не объяснял и ей...

Наивысшей точки любопытство вампирессы достигло, когда демон посетил Вевена. Их разговор... это было нечто...

– Скажите-ка, уважаемый, как выглядит Гили Добрый?

– Э-э-э...

– Ну, если я правильно понимаю... вы – подобие, то есть... скажем... Словом, если бы я захотел изобразить Гили – я должен скопировать с вас, Вевен? Кстати, это не кошунство – изобразить Гили? Я не нарушу какой-нибудь заповеди?

– Э-э-э... Не-ет... Не нарушите... Хотя это как-то стран-

но – изображать Гили, ведь всегда есть живые подобия. Так зачем же изображать?..

– Однако мне все же необходимо это. Ладно, формальное разрешение получено. А вот еще вопрос – какого роста должен быть Гили?

– ?!

– Ну, думайте, Вевен, думайте! Для того, чтобы престиж Гили не пострадал... Нет, не так – для того, чтобы все было достоверно... Ну, вы же меня понимаете... Так какого роста?

«Подобие» крепко задумался, разглядывая носки своих туфель, затем поднял на Ингви прозрачные глазки:

– Метров десять – не меньше, я думаю...

* * *

– Нет, не так! – Ингви вновь подошел к Вевену и чуть приподнял тому правую руку, в которой гермафродит сжимал легкое метательное копьё – сжимал весьма неумело, – ну... где-то примерно... А теперь – бросок!

Копьё неуклюже пролетело метра четыре и ткнулось в глиняный пол склада. Задребезжало древко. Эльф, делавший вид, что дремлет, при звуке удара наконечника об пол приоткрыл один глаз. Ннаонна, тихонько пристроившаяся на куче мешков с шерстью, подобрала под себя ноги и слегка подалась вперед.

– Что ж, сойдет, – констатировал Ингви без особого энту-

зизма, – однако вам, почтеннейший, придется тренироваться до самого вечера. Ты, Филька... Филька, хватит притворяться! – эльф открыл второй глаз, – понаблюдаешь за этими тренировками. Во-первых, проследишь, чтобы почтенный Вевен не сачковал и отработал бросок копья до полного автоматизма и во-вторых, сам изучишь все его движения до мелочей.

– А зачем?

– Затем, что когда десятиметровый Вевен швырнет это копье, которое будет выглядеть как молния Гили, тыпустишь стрелу. Эта твоя стрела должна будет достичь вершины траектории как бы внутри «молнии», а затем в конце концов попасть точно во вражеский флагман. Этим выстрелом ты разгонишь неприятельский флот и о тебе сложат баллады.

Обещание произвело на эльфа мало впечатления, он лишь поинтересовался:

– Стрела будет волшебная?

– Да.

– Значит у нее вместо наконечника будет какая-то магическая ерунда... Я должен потренироваться с этой стрелой – иначе трудно добиться филигранно точного выстрела и обо мне вряд ли сложат баллады.

– Это точно... Значит, поменяем планы – сегодня я займусь стрелой и к вечеру... Нет, к завтрашнему утру она будет у тебя, ну а иллюзией Гили займусь завтра... Нет, сперва попробуем... Ннаонна, давай.

Вампиресса прыгнула со своего насеста, бросилась в угол и вытащила на середину зала нечто, завернутое в плащ. Ингви бережно развернул сверток и принялся возиться с содержимым. Затем установил рядом с покорно ожидающим Вевеном треножник, увенчанный каким-то замысловатым прибором, который тускло поблескивал плохо отшлифованными кусочками янтаря. Демон склонился над своим инструментом, что-то забормотал, принялся вертеть верхушку так и этак... вдруг рядом с изумленным гермафродитом выросла огромная фигура... Ноги, бедра, низ живота... Остальное не поместилось в зале – торс иллюзорного гиганта терялся в полумраке среди стропил.

– Авенорэт!.. – Ингви ликвидировал иллюзию, – достаточно, ведь голова наверное торчит над крышей этого сарая... Неизвестно что могут про нас подумать... Тем более, что росту вроде бы маловато... Ладно, прибавим и проверим ночью во дворе дворца... А я пока займусь стрелой. Филька, смотри погоняй почтенного Вевена как следует... Ннаонна, идем.

– Ингви, – спросила девушка, когда они вышли за ворота дворца Алганов и пошли вниз по главной улице Эману (вслед за ними как обычно пристроилась толпа любопытной детворы), – а что будет в наконечнике?

– Все. Все, что я смогу в него вогнать, все, на что я способен... Это должно быть нечто феерическое... Зрелищное и по-настоящему действенное... Поскольку должно подей-

ствовать с первого раза... Но можно приготовить и второй выстрел... Хотя если не подействует первый – вряд ли поможет второй... Стоп!

Ингви внезапно остановился и как будто во внезапном озарении уставился на девушку:

– Эта улица!

– Что улица?

– Если пираты высадутся в порту – дальше они пойдут сюда, чтобы подняться к дворцу, к богатой части Эману... Есть идея! Пошли к царю требовать у него большие бочки. Филька подождет!

– Бочки? Ага, пустить их под уклон...

– Ну да! Такой крутой спуск! Обмотать тряпьем, полить маслом, поджечь... Правда, они должны катиться точно прямо... Что-нибудь придумаем... Знаешь, Ннаонна, я стараюсь не загадывать, что будет, если враги захотят высадиться не здесь, в столице, а где-то еще. Тогда всем моим задумкам – грош цена...

Глава 8

Ночные испытания гигантской иллюзии прошли успешно. Несколько стражников, оказавшихся невольными свидетелями, дружно повалились на колени, выронив копья. Один принялся бить поклоны, остальные уткнули лица в сложенные ладони, не смея поднять взгляд на свое божество. Собственно говоря, ничего особо устрашающего в «Ги́ли Добро́м» не было, если не считать размеров... Уж слишком безобидным существом казался Вевен, даже увеличенный до десяти метров – но искренне верующим островитянам, никогда в жизни не встречавшимся с практической магией, хватило за глаза и этого...

Вдруг, когда Ингви уже собирался объявить об успешном завершении эксперимента и, по его собственному выражению, «прикрыть балаган», внезапно с шумом распахнулись двери дворца (испытания проводились во дворе родовой твердыни Алганов) и наружу выскочили еще несколько воинов, за ними шел сам Лучич, сопровождаемый тамейоном. Царь открыл рот, собираясь обратиться к экспериментаторам с гневной тирадой, но замер, пораженный не менее своих подданных. Прошла минута. Ингви прочел завершающую формулу и изображение поблекло, быстро распадаясь на полупрозрачные цветные лохмотья, тающие в воздухе. Царь закрыл рот.

– Э-э-э... И-и... – спустя еще минуту наконец выдал он, – что это было?..

– Гили Добрый, – спокойно ответил демон, – правда, похоже?

Подобие Вевен просеменил к Лучичу и что-то тихо зашептал царю на ухо.

Тот выслушал, кивая, нахмуренные брови его разошлись и он продолжил уже без прежнего запала:

– От вас, чужеземцы, нет покоя даже ночью... Впрочем, если это необходимо... Однако я все равно собирался поговорить. Пусть вы затеваете что-то непонятное, пусть... Однако расходы непомерно велики. Я сам готов отдать и корабли (тем более, что у меня требуют только старье), и бочки, и масло... Но мои подданные... Тамейон?!

– Наши люди недовольны, они ропщут, – выдвинулся из-за спины царя Липич, – уже слышны речи, что царь обязан их защитить! Защитить, а не грабить без причины – ведь у них отбирают имущество... Винные бочки наши мастера делать не умеют – их покупают в Энмаре. Дорогой привозной товар!.. И вообще...

– Ну, вот что, – перебил его Ингви, – я делаю то, что может помочь одолеть врага! А если сюда придут северяне, то они отберут не несколько паршивых бочек и старые лодки – они возьмут все! После того, как перережут хозяев... И если здешний народец не может понять такой простой вещи – заставьте их! Если войско царя Эману не в силах справиться с

пришельцами, то уж со своими крикунами-то хотя бы... Или твои воины, тамейон, вообще ни на что не годны?

Лицо тамейона налилось кровью, он заревел что-то неразборчивое, выхватил из рук стоящего рядом стражника копье и ринулся на Ингви. Ннаонна, незаметная в своем черном костюме, прыгнула из темноты в освещенный факелами круг и, присев, ловко подставила богатырю подножку. Тот полетел кубарем, выронив копье, проехался по песку и затормозил у ног Кендага и Фильки, которые, совершенно синхронно шагнув с двух сторон, заслонили Ингви. Сам демон, делая вид, что не заметил выходки Липича, посмотрел в глаза царю и спокойно сказал:

– А знаешь, царь, я дам тебе совет. Заплати купцам. Подумай, ведь половина твоей казны тебе уже не принадлежит – значит, если ты тратишь что-то, то лишь половина из этого – твой расход. А вторая половина – это деньги мои и Проныры. Не знаю, как он, а я не возражаю. Понял? Платишь только полцены...

С этими словами Ингви повернулся и направился к воротам. Стражники торопливо распахнули створки перед ужасным чужеземцем и так же торопливо отбежали в стороны с его пути. Сарнак, Рунгач с факелом, Ннаонна и Кендаг пошли за ним и только Филька еще некоторое время стоял во дворе, глядя с улыбкой на тамейона, который поднялся и сопя отряхивал с себя песок. Эльф дерзко скалил зубы и поигрывал перед собой луком с наложенной стрелой, словно при-

глашая Липича повторить попытку. Ничего не дождавшись, он пожал плечами и насвистывая пошел следом за всеми...

* * *

На следующее утро «Листа» вышла в море для испытаний. Ингви, с его всегдашним пристрастием к секретности и таинственности, потребовал, чтобы Рунгач вывел судно в море. За борт выбросили плотик с мишенью, затем демон соорудил свою иллюзию и начали. Гермафродит швырял копье, которое стучалось об палубу, возвышающийся над головами гигант метал вниз молнию, Филька пускал стрелу. Затем «Листа» совершала маневр, стрелу забирали – и все повторялось. В первый раз эльф был страшно удивлен, что его выстрел не разнес плотик в щепы (все ограничилось лишь довольно яркой фиолетовой вспышкой), но Ингви пояснил ему, что вместо разрушительного заклинания наконечник снабжен имитацией:

– Очень трудно изготовить такую штуку даже один раз, так что... А вот здесь для пробы – сигнал. Раз вспыхнуло – значит механизм сработал.

– Какой еще механизм? – эльф повертел в руках стрелу с уродливым наконечником.

– А вот смотри, – принялся гордо пояснять Ингви, – вот это вот половина и это половина. Между ними я вставил щепочку. Когда стрела попадает в цель – получается вот так,

щепочку выбивает, половинки соединяются. Трах! И враг в ужасе бежит. По крайней мере, Тока Торгич со своим воинством...

— Поэтому ты говорил, что мой выстрел разгонит только половину врагов?

— Ну да, о разбойниках все твердят, что они неустрашимы. Вряд ли их напугает чужой божок... Была у меня, конечно, идея... Да нет...

— Какая идея, Ингви? — как обычно встряла любопытная Ннаонна.

— Ну, включить в заклинания на стреле еще и иллюзию их Морского царя. Что его, значит, разит молния Гили... Не выйдет — а вдруг я не так сварганю эту вторую иллюзию, не так, как они представляют... Да и вообще, не стоит... Ладно, отошли достаточно. Рунгач, ложимся в дрейф. Филька, готовься!..

Несмотря на качку, неизбежную в море, стрела раз за разом поражала мишень, причем ее траектория точно соответствовала замыслу Ингви — материальный снаряд летел под прикрытием иллюзорной «молнии». После шестой или седьмой попытки удовлетворенный Ингви уже собирался командовать возвращение, как вдруг раздался крик дозорного с мачты — на горизонте показался парус.

— Что там, Рунгач, враг? — окликнул Ингви шкипера.

— Нет, пока не знаю, но парус один. Косой парус — как у наших...

Старик велел своим морякам поднять паруса и маневрировал, пока неизвестное судно не приблизилось. Оказалось, что это купец с Ренены – одного из соседних островов. Он увидел в открытом море армаду северян и карасских ренгатов и теперь спешил убраться подальше... Причем Большой Длинный Эману в качестве убежища его не привлекал, все прекрасно знали, куда будет направлен очередной рейд разбойников... Суда сблизились и легли в дрейф. Прокричав свои новости, шкипер с Ренены велел своим не мешкая продолжить путь.

– Значит, они идут... – пробормотал Ингви, задумчиво глядя, как торопливо ставят паруса рененские моряки, – пора и нам назад... Филька, я доволен твоими выстрелами, так не подкачай уже в бою.

– Эгей, – в ответ хохотнул эльф, – Кендаг и вся его свора новообращенных орков будет поражена!

– Ладно-ладно, не зазнавайся...

Рунгач навалился на рулевое весло, разворачивая «Листу»...

На Большом Длинном Эману весть о приближении врага произвела огромное впечатление. Жители города забежали по берегу с воплями, многие принимались кататься в пыли и рвать волосы, женщины рыдали... Как будто не было долгого ожидания и подготовки к сражению. Кендагу пришлось многих своих вояк палкой приводить в чувство и возвращать в строй. Сарнак торопливо оббегал расставленные вдоль бере-

га лодки, оснащенные заклинаниями, в последний раз проверяя, все ли в порядке. Оказалось, что с трех парусников исчезли заколдованные кусочки янтаря, несмотря на то, что суда охранялись.

Доложив об этом, Сарнак вполголоса выругался и заявил:

– Ведь должны понимать – все для их спасения... Так нет же – стащили янтарь! Легкомысленны, как эльфы и жадны, как гномы!

– Ты глянь лучше на мое «войско», – пожаловался Кендаг, – рыдают... На такое даже эльфы не способны.

Филька поглядел на друзей... и вдруг покраснел:

– Да ну вас, в самом деле...

* * *

К друзьям, стоящим на берегу, тяжелой рысцой подбежал запыхавшийся Проныра. Переводя дух и утирая обильные струи пота, толстячок прохрипел:

– Великий царь Алгано Лучич желает... видеть вас, чужеземцы... Немедленно...

– А где он нас ждет? – полюбопытствовал Ингви.

– Во дворе... своем...

– А взрывоопасный Липич с ним?

– Да, был там. И вся его стража.

– Ладно, скоро будем... Сарнак, значит ты понял? Сперва свой номер исполнит Филька, затем, когда они будут на

расстоянии примерно... Хотя нет, лучше смотри сам по обстоятельствам. Скомандуешь рубить канаты – и давай быстро к нам. Кендаг... сам знаешь, жди сигнала. Все. Пойдем наверх, к царю...

– Ингви, а мне что делать? – схватила демона за рукав Ннаонна.

– Ах, верно, самое главное-то я забыл, – Ингви и впрямь забыл, что собирался найти девушке какое-нибудь поручение, чтобы она не чувствовала себя обделенной, – ты... ты будешь охранять меня от Липича. Следи за ним, а то этот псих еще чего-нибудь выкинет...

Ингви собрал свои магические приспособления, напоследок кивнул Сарнаку, остающемуся на берегу и медленно побрел в гору, сопровождаемый друзьями, Вевеном и экипажем «Листы» (само суденышко отогнали в дальний конец залива)...

Лучич, ожидавший в воротах своего замка, разве что не приплясывал на месте – нетерпеливое любопытство было прямо-таки написано на лице царя. За его спиной щетинились копья стражи, хотя тамейона нигде видно не было.

– Ну что, чужеземец, ты готов?

– А как же! Тебе, царь, – Ингви, ощутивший некое злорадство, нарочно заговорил медленно и с показной ленцой, – бояться нечего. О твоей безопасности сейчас заботятся классные колдуны и великие воины. Так что расслабься и получай удовольствие от интереснейшего спектакля.

Говорил демон весьма уверенно, поскольку уже понял (с огромным, кстати, облегчением), что пиратская флотилия движется к входу в Эманский залив... Теперь оставалось только привести в исполнение все намеченные планы – и ждать результата. На Ингви снизошло спокойствие и он от души надеялся, что оно передастся всем его войскам.

– А кстати, где тамейон? – огляделся по сторонам демон.

– Он со своими родственниками отправился на Сторожевой утес. Считает себя опозоренным после вчерашнего...

– Что за утес?

– Скала над входом в залив. По обычаю самые отважные мужчины несут там стражу, если вторгается вражеский флот, – пояснил царь, – если неприятельские корабли неосторожно подойдут к Сторожевому утесу, с него на головы врагов скинут камни.

– Да ничего не выйдет, я уже думал об этом. Пролив там слишком широк, иначе все можно было бы по-другому организовать.

– Так ведь это обычай такой, – пояснил демону Рунгач, – вот, скажем у меня на Ругане это первое дело. А здесь... Он просто сидит на вершине, зажигает костер, когда корабли врага подходят к острову, ждет, что его вызовет на поединок какой-нибудь их богатырь... Старый обычай-то... Никто не вспомнит. А тамейон обиделся, думает, что сможет там, на Сторожевом утесе отличиться... Подвиг совершит и позор смоем.

– Хорошо бы так... Ннаонна, следи все же, чтобы наш Липич здесь вдруг не объявился. А то чего доброго поумнеет и решит, что здесь тоже можно подвиги совершать...

Девушка кивнула и с предельно серьезным видом стала озираться по сторонам – словно ожидала, что из какой-то щели вдруг выскочит Липич с кинжалом в зубах...

Ингви поколдовал над специальной стрелой и вручил ее эльфю, напутствуя его такими словами:

– На! Заряжено... И учти – если по неосторожности моя магия сработает здесь... так полыхнет, что все, что от тебя останется – уместится в шапке. Будь осторожен, нет – лучше отвали-ка подальше. Если что – может, хоть какой-то шанс уцелеть у меня будет.

– Ингви, не волнуйся! Все будет в порядке, – Филька попытался напустить на себя серьезность, что, впрочем, у него вышло неудачно... – я ж говорю, что точности моего выстрела подивятся все!..

– Дым! Дым на Сторожевом утесе! – завопил кто-то. Действительно, над скалой, венчающей каменистый мыс за гаванью, показалась жиденькая струйка дыма.

– Это значит, что флот разбойников входит в залив, – констатировал демон, – мы начинаем!

Глава 9

Волновался я ровно до той секунды, когда окончательно убедился, что разбойники вместе с их союзниками нападут именно на сам город. Я-то на их месте ни за что такого делать не стал бы, но у этих людей есть своеобразное понятие чести... И оно призывает их атаковать вражескую столицу, бросить открытый вызов царю и его войнам вместо того, чтобы выбрать более удобное для десанта местечко. Даже не будь здесь меня – что помешало бы местным исполнить хотя бы фокус с бочками? Ах да, я знаю, что помешало бы – все то же пресловутое понятие чести! В бытность мою королем Альды я немало наслушался этого: «честь», «бесчестье»! Любой мой гениальный замысел в военной либо гражданской сфере знать встречала в штыки – как же, бесчестье... Вот простолюдины и церковники – те мгновенно находили в моих предложениях практическую выгоду и легко примирялись с угрызениями совести, если что... Особенно церковники...

У входа в залив показались корабли врага... Отсюда, с вершины господствующего над городом и портом холма, зрелище было необычайно красивым, по лазурной глади моря скользили разнокалиберные суда под надутыми парусами всех цветов радуги. Собственно, паруса лишь изначально были разноцветными, а теперь они приобрели разные оттен-

ки серого цвета, что, впрочем, делало картину более благородной, что ли... Во всяком случае, весь флот выглядел... как бы это сказать... однородным... Впереди шли знаменитые драккары, о которых я много слышал, но толком рассмотреть мог впервые. Длинные лодки, не более того. Узкие, довольно стройные, нос приподнят и украшен головой змея, по бортам – щиты. Не сомневаюсь, что идя на веслах такой корабль может развить приличную скорость, но сейчас им этого не требовалось. Момент для атаки был выбран удачно – их паруса наполнял бриз и воины не утомляли руки греблей, сберегая силы для рукопашной... Драккаров, как и сулил Проныра, было четыре – да еще около трех дюжин парусников с Карассы. Наверняка на них сейчас все мужское население острова – собрались грабить Эману, после того, как по нему пройдутся северяне и побьют защитников.

Я посмотрел на вражеский флагман сквозь мою «гляделочку» – тавматургический аналог подзорной трубы. На носу драккара, там, где обычно стоит предводитель, находились двое. Один – бородатый детина в кольчуге и стальном шлеме, вероятно «знаменитый конунг Трорм Оди», о котором Проныра говорил, что этот считается вторым по храбрости и силе среди разбойников, уступая лишь Хольну Плешивому, который полтора года назад взял дань с Энмара. Рядом с конунгом стоял несомненно островитянин (в смысле, местный, с Архипелага) – но этот, в отличие от большинства своих тщедушных соотечественников, габаритами

почти не уступал здоровью северянину. Тока Торгич, царь Карассы. Знаменитый ренегат, подражая союзникам-северянам, заплел свои кудряшки в косы, так что теперь они торщились из-под шлема, напоминая более всего рога, поскольку изгибались и упруго пружинили. Тока Торгич, видимо, старался во всем походить на своего компаньона, конунга варваров – однако против природы не попрешь, так что происхождение лезло из смуглого носатого островитянина, как его кучеряшки (хотя и собранные в косы) – из-под тяжелого шлема...

Я огляделся:

– Филька? – эльф кивнул мне, – Вевен?

Этот тоже был наготове. Отлично, осталось только последнее – Кендаг и его лучники. Ага, вот и Лорд Внешнего Мира бежит ко мне, придерживая тяжелые ножны – сегодня он нацепил на себя все оставшиеся у него железки и выглядел необычайно внушительно. Если все пройдет, как задумывалось – ему пользоваться этим оружием не придется. А если придется – боюсь, оно мало поможет...

– ...Ингви, мой сброд готов, – Кендагу сегодня пришлось тяжеленько. Ведь он должен был расставить сотни стрелков так, чтобы соблюсти секторы обстрела, прицельную дальность и прочие тактические штучки (Кендаг, кстати, во всем этом разбирается не в пример мне, так что к нему я с советами не лез), да еще и иметь возможность командовать ими всеми. Не сомневаюсь, что Кендаг справился отлично.

Тем временем флот вошел в залив, естественно, огибая Сторожевой утес на приличном расстоянии. Филька вопросительно поглядел на меня – я помотал головой. Еще рано. Я хочу разогнать только карассцев, а северян уничтожить, иначе они смогут повторить в другом месте – а там нам нечего будет им противопоставить... Значит, из залива их выпустить нельзя, пусть углубятся как следует. Их ничего пугать не должно... Берег пуст, около двух десятков покинутых парусников болтаются на приколе... Правда с парусами, раздутыми магическим ветром – надеюсь, этого никто не заметит, так же, как и куч хвороста, сложенных на носах суденышек... Стоп – я только сейчас осознал свою ошибку. На берегу должна была стоять толпа мужчин с оружием, приплясывать и орать – это было бы естественно... Как же я не подумал-то? Авань северяне ничего не заподозрят и решат, что эманские мужички в ужасе разбежались при их приближении... А вот теперь, пожалуй, пора. Внезапно накатило волнение, я не мог произнести ни слова. Молча я поманил Вевена на намеченное место и, поскольку он мешкал, подскочил к нему и подтащил за рукав к своему прибору. И вот над нами вознеслась огромная фигура Гили Доброго – с изумленно-обиженной миной на круглом лице Вевена...

* * *

Ингви все так же молча указал Вевену на копьё – сегодня

оно искрилось и блистало из-за наложенных чар. Копье изображало молнию. Гермафродит взял оружие, Филька поднял лук и кивнул. Иллюзорный Гили метнул молнию... Яркая вспышка ослепительно полыхнула на передовом корабле северян. Ярким пламенем занялся парус, на десятки метров в стороны сыпанули огненные брызги... Занялись пожары еще на нескольких судах... Карасские суда замедлили ход, пытаюсь развернуться, несколько парусников столкнулись между собой, другие совершали сложные маневры, чтобы бежать вопреки встречному ветру, лишь несколько из них продолжали идти прежним курсом, следуя за драккарами, которые так и не свернули, за исключением флагмана, который потерял ход из-за нанесенных «молнией» повреждений. На нем тушили пожар и можно было разглядеть какие-то темно-синие вспышки. Несколько ополченцев из Кендагова войска сдуру пустили вслед за Филькой стрелы, которые упали далеко от драккаров. Кендаг, ругаясь, побежал к стрелкам... Глядя за продвижением кораблей северян, Ингви констатировал:

– Они и впрямь бесстрашны... Похвально, но глупо... Ну де, давай, Сарнак...

Словно услышав этот призыв, Сарнак махнул рукой отданным в его распоряжение ополченцам – те взмахнули тесками, рубя причальные канаты, удерживающие у берега суда с надутыми парусами, другие швырнули факелы в кучи хвороста. Парусники пошли наперерез остаткам вражеского

флота. Пламя на них разгоралось и наконец они врезались в драккары и карасские лодки, превращаясь вместе с ними в один большой костер. Впрочем, три горящие посуды остались на месте и покачивались у берега, медленно пожираемые огнем... Приставленные к ним эманцы и сегодня сперли заколдованный янтарь.

– Ну и народец у тебя, царь, – обернулся к Лучичу демон, – это ж надо... Вевен, вы сложите-ка руки на груди и с удовлетворенным видом глядите вниз. Вот так. Но эти ваши людишки... Украсть мою колдовскую снасть... Перед самой схваткой...

– Они не верили в твой успех, – пояснил царь, – думали, что стянут волшебные амулеты и спрячутся, пока другие станут биться с северянами... Я примерно накажу их... А твой замысел – вот, значит, какой он... А что...

Царя прервал громкий грохот и плеск – несколько карасских суденышек отнесло к Сторожевому утесу и люди Липича скинули-таки на них валуны... Раздался новый взрыв воплей – из пламени, пылающего на воде посреди залива, показался черный нос драккара! За ним – второй. Два дымящихся судна вывалились из костра и медленно пошли в сторону городских причалов на веслах, озаряемые синеватыми сполохами, ритмично вспыхивающими вокруг нескольких человек там, на драккарах. Ингви глянул на них сквозь свой амулет. Ему удалось рассмотреть северян в просторных плащах, которые махали чем-то наподобие посохов, за на-

вершиями которых тянулись пряди синеватого магического свечения. Пламя, сбиваемое этими штуками, заметно шло на убыль. Колдуны. Ингви, стараясь выглядеть поувереннее, обернулся к царю:

– Второй акт нашего представления! Кендаг, где ты там?!

Кендаг уже бежал к нему, снизу по улице спешил Сарнак со своей командой поджигателей...

Два сильно поврежденных драккара ткнулись к берегу, с них вопя посыпались северяне, явно разъяренные подлым сопротивлением и жаждущие кровавой мести. Сбившись в большую толпу они загородились щитами и двинулись вверх.

– Пора! – Ингви обернулся к морякам «Листы», выкатившим бочки, обмотанные тряпьем и обильно политые маслом, – а то они разбегутся. Поджигайте и пускайте – одну за другой!

Северные варвары двигались вверх не спеша, берегли дыхание. Они, разумеется, заметили толпу на вершине холма, как будто готовую к отпору. Но что поделаешь! Люди на холме расступились – и на пришельцев с грохотом покатились пылающие бочки, разбрасывая искры и лоскуты пламени. Одновременно на врагов посыпались стрелы. Едва ли половина лучников попадала в цель, однако и этого оказалось довольно. Около сотни пиратов оказались зажаты между морем и костром из пылающих бочек, причем на них продолжали обрушиваться все новые огненные снаряды – и ливень стрел. Ни о каком сражении не могло быть и речи – это

уже была бойня. Часть северян кинулась к своим кораблям, несколько человек полезли через заборы вправо и влево с улицы, по которой катились горящие бочки, остальные метались среди горящих обломков и луж масла, уворачиваясь от новых бочек и поражаемые хаотично падающими стрелами. Хваленое мужество северян тоже было небезграничным – да и что, собственно, они могли поделать, уничтожаемые на расстоянии и лишённые возможности нанести ответный удар. Сегодня их погубила самонадеянная отвага и чрезмерная уверенность в том, что противник – ничтожен и слаб...

Вскоре все было кончено. Царь повел свою гвардию и лучших из числа ополченцев вниз – отлавливать спрятавшихся по дворам северян и добивать раненых на берегу. Единственный прокол – часть врагов умудрилась отойти от берега на одном из полусгоревших судов, десятка три – не больше. Наперерез им уже шли от берега парусники, команды которых прятались до поры в прибрежных скалах. Ингви им никакого приказа не давал, даже не знал о них, считая необходимым сосредоточиться на главном.

– Ну что? – обернулся он к своим друзьям, – Наша взяла! Предоставим царю и Липичу совершить в этой войне последние подвиги, а? Тогда – домой!

* * *

Вернувшись «домой», Ингви заявил:

– Великие воины и могущественные колдуны после ратных трудов нуждаются в отдыхе, – и завалился спать, в твердой уверенности, что о недобитых врагах беспокоиться нечего.

Однако поспать ему не дали. Едва демон задремал, как его принялась трясти за плечо Ннаонна:

– Ингви! Ингви, проснись!

– ...Ну?... Чего еще?..

– Ингви, царь за тобой прислал. Ну просыпайся же...

– Ладно, ладно... Сейчас... проснусь...

Во дворе послышались приглушенные голоса, внутрь заглянул Филька.

– Да иду я, иду, – сварливым голосом бросил ему Ингви.

– Да нет, я тут это... Старик наш пришел... Новости принес...

– Какой еще старик?

– Да Рунгач же!

Ингви сел и потянулся:

– Старик... Да он тебе во внуки годится. Что, Рунгач, какие новости?

Вести, принесенные царем Малой Руганы, были в основном печальные. Во-первых, на флагманском драккаре, о котором все как-то забыли, пожар довольно быстро был потушен и судно на веслах уползло из залива. Враги мудро отступили, вместо того, чтобы лезть в ловушку... Причем Липич со своего поста на скале заметил, что Трорм Оди взял курс

не на Карассу, а пошел вдоль берега Эману на северо-запад с целью непонятной и пугающей. Во-вторых, другой обгоревший драккар, хотя и атакованный едва ли не дюжиной эманских парусников, сумел также отбиться и уйти в открытое море, нанеся большие потери местным (в рукопашной схватке разъяренные разбойники казались неуязвимыми); и, наконец, где-то прятались оставшиеся на берегу разбойники – их еще не закончили вылавливать. Так что в пригороде то и дело вспыхивают схватки. Выслушав шкипера, Ингви обернулся к присланному из дворца человеку:

– А что от меня хочет царь Лучич?

– Великий царь желает, чтобы ты, чужеземец, немедленно явился к нему в палаты!

– Ого! «Желает! Немедленно!» Как заговорили эти людишки, едва опасность миновала, – обратился демон к своим друзьям, – таким тоном не зовут спасителя получать причитающееся вознаграждение. Дело явно нечисто. Ладно, передай царю, что я уже бегу со всех ног.

Объявив это посланцу, Ингви медленно побрел по двору, озираясь в поисках кувшина с водой. Обнаружив сосуд, он напился, затем подозвал Кендага и, попросив орка помочь, принялся умываться.

– Ты еще здесь? – осведомился он, заметив, что присланный к нему царедворец все еще топчется рядом, глядя довольно сердито.

– Царь ждет!

– И правильно делает. Пусть ждет. Ладно, сейчас пойдем...

Как обычно и бывает в подобной ситуации, показное недовольство слуги – верный признак сердитого настроения господина. Царь Лучич в ожидании наемника расхаживал по двору перед строем вояк, которых вновь возглавлял Липич. Тамейон совершенно не выглядел сконфуженным или виноватым, должно быть посчитал, что скинутые со Сторожевого утеса камни сделали его героем.

– Чужеземец! – сразу загремел царь (куда только подевались его недавние уныние и нерешительность!), – Почему ты перестал биться с разбойниками?! Тебе известно, сколько моих людей погибло сегодня в городе? А в заливе – они потопили три корабля!.. Почему ты молчишь?

Ингви молча топтался перед яростно орущим Лучичем и рассматривал носки своих грязных сапог, затем медленно поднял взгляд:

– А что я должен был делать? Лазить по пустырям и зарослям колючек, вылавливая прячущихся варваров, которых мое колдовство перепугало сегодня до полусмерти? Для этого есть стража, начальник которой сегодня вообще не принимал участия в битве. Вот он стоит, ухмыляется, как будто только что выиграл войну... – вообще-то Липич не ухмылялся, но Ингви был раздосадован и крики царя его завели, – или это просто предлог для того, чтобы не платить мне обещанного? Пожалуй, что так... Ну что ж – не советую.

Демон испытующе уставился в глаза царю, попытавшись напустить на себя максимально грозный вид – Лучич растерялся, поскольку, являясь самодержавным владыкой, несомненно не привык, что вспышки его ярости не действуют однозначно устрашающе. С другой стороны, чужеземец обладал могуществом, что доказал сегодня совершенно определенно. Пауза затягивалась. Вдруг двери палат распахнулись и из дворца легко и весело вырвалась стайка женщин в легких пестрых накидках. Лучич, найдя наконец-то выход копившемуся раздражению, рывкнул на них. Ингви не все разобрал в его скороговорке, но общее содержание было ясно – мол, я же ясно приказал не показывать носа из дворца, пока не закончится драка с северянами. Мол, кыш домой! Мол, вот я вам задам! Женщины так же легко и весело повернулись и припустили обратно. В дверях та, что бежала последней (хорошенькая смуглянка) обернулась и показала грозному Алгано Лучичу розовый язычок. Затем залиvisto засмеялась и нырнула внутрь. Из-за двери слышался приглушенный писк и мягкий шум – девчонка с кем-то столкнулась в коридоре. На свет, потирая плечо и близоруко щурясь, вышел подобие Гили Вевен. Пройдя пару шагов, гермафродит обернулся и подождал, пока два стражника выволокут под руки Проныру.

– Да-да, – спокойно говорил Вевен, – я огласил это решение Гили Доброго и оно теперь справедливо и незыблемо. Ваша с чужеземным колдуном доля в этом деле равна. И по-

лучите вы поровну.

– Ага, – ухмыльнулся Ингви, – так все-таки получим! А, царь? – тот безмолвствовал, – Слышь, Проныра, а царь-то вообще собирался мне не платить. Ну и тебе, значит, раз наша доля равна...

Толстый коротышка молча открывал и закрывал рот... Царская несправедливость его ошарашила. Вевен просеменил к царю и принялся что-то быстро шептать Алгано Лучичу на ухо, поминутно озираясь на Ингви и Проныру, затем объявил:

– Царское слово нерушимо, чужеземец. Однако великий царь поторопился, призвав тебя во дворец... Битва с варварами еще не завершена. Ступай и жди до завтра в отведенном тебе жилище. А если какие-либо вопросы нуждаются в суде Гили – завтра же вы все получите решения Доброго. Теперь же, я полагаю, тамейону надлежит изловить последних разбойников и очистить от них пригород...

Возразить на это вроде бы было нечего... Пока...

Глава 10

В смутном настроении Ингви с друзьями отправился назад.

– Ну не знаю... – наконец промолвил демон, – ну не нравится мне все это... Рунгач, а ты что об этом скажешь?.. Молчишь...

Старый царь Малой Руганы прятал глаза и выглядел ужасно несчастным. К друзьям подкатился Проныра:

– Неблагодарность царей не знает границ... Каждый раз, когда такое происходит, чувствуешь возмущение и удивление, а это происходит вновь и вновь... Сколько раз я сталкиваюсь с неблагодарностью владык и зарекаюсь иметь с ними дело – но все повторяется... О, как они просят и умоляют спасти их вначале... Нет сил отказать...

– Тонкое наблюдение, – буркнул демон, – а что ты думаешь о решении Гили насчет нас с тобой? Что плата пополам...

– О, справедливо, справедливо! Однако получить бы нам нашу награду – я не знаю, верить ли самому подобию? – волнующийся Проныра заговорил на общем гораздо хуже.

– Хе, я не знаю даже, стоит ли оставаться на ночь в городе, – задумчиво протянул Ингви, – полагаю, что прячущихся разбойников Липич будет ловить всю ночь... А ночью всякое может случиться...

– Это точно! – поддакнул Филька. – Хорошо бы они попытались...

Эльф положил ладонь на рукоять кинжала и мечтательно закатил глаза, Кендаг кивнул, Ннаонна сделала кислую мину, а Сарнак вроде бы совершенно не слушал – он погрузился в меланхоличные размышления. Колдун пребывал в тоске, казалось, еще более глубокой, чем даже обычно в последнее время...

– Готовь «Листу», царь Рунгач, – заключил Ингви, – мы выходим в открытое море. И тебе, Проныра, советую.

Проныра закивал, совершенно соглашаясь с демоном. Более того, было похоже, что он в страхе за свою шкуру не собирается расставаться с Ингви до самого порта, где «Листа» с «Фельпютом» уже вновь стояли борт-о-борт... Так они и шли вниз к морю вместе, причем толстяк постоянно озирался и старался затесаться между чужеземцами.

Сегодня Проныра не стал беречь наряд от морской воды – кинулся к своему суденышку и, мокрый по пояс, торопливо забрался на палубу. Там он принялся орать и размахивать широкими рукавами, постоянно кося черными глазками на «Листу», где тоже готовились к выходу в море, хотя и с меньшей суетой... В трехстах метрах от скал, ограждающих залив, Рунгач велел бросить якорь, «Фельпют» тут же оказался рядом – Проныра, очевидно, решил постоянно находиться неподалеку от чужеземцев. Им он доверял больше, чем Алгано Лучичу и надеялся на их защиту. На рассвете

Ингви проснулся от криков островитян – моряки обоих суденышек наперебой орали и очень энергично тыкали пальцами в сторону берега – со стороны острова в море где-то далеко тянулись черные и жирные клубы дыма, там пылали пожары... Из-за Сторожевого утеса показался парус, Ингви пробурчал: «Сейчас узнаем новости». Вестником оказался давешний царедворец, но вел он себя куда вежливее вчерашнего:

– Великий царь очень просит уважаемых чужеземных чародеев пожаловать во дворец... – и все это сопровождалось непрерывными поклонами и прикладываниями рук к груди...

– Очень просит, значит... А не «желает немедленно»? Нет? Что же такое случилось? – посланец замялся, – ну ладно, как там тебя, мы ведь все равно все узнаем, тем более, что дым хорошо видно даже отсюда. Лучше говори прямо – в чем дело?

Оказалось, что перед рассветом Трорм Оди с Токой Торгичем высадились в северной части острова и теперь жгут и режут все, что только возможно. Отряд из примерно полусотни северян и ста с небольшим карасских ренегатов не спеша продвигается по острову, направляясь к столице... Поскольку почти все мужчины Эману собрались в городе, на их пути встать некому.

Во дворце чужеземцев встретил Лучич, который подобно своему придворному вновь обрел хорошие манеры:

– Враг приближается, чародей... Я вновь прошу тебя защитить Большой Длинный Эману...

– А как насчет моей награды? Проблем не будет?

– Ты можешь получить ее немедленно...

– Еще бы! Или я сейчас заберу с Пронырой половину – или Тока с северянином заберут все... Проныра! Эй, Проныра, спускайся в подвал и отсчитывай причитающуюся нам половину казны, а я пока займусь работой...

– Но... э-э-э...

– Не бойся, я прослежу, чтобы тебя не обидели... Когда вернусь. А ты, царь, проследишь, чтобы Проныра с сокровищами не покинул остров до моего возвращения.

* * *

Алгано Лучич, как и подобает царю, пожелал сам возглавить поход. С ним шло все ополчение, поскольку вчера никто не расходился. Мужчины Большого Длинного Эману ожидали праздничного пира, который непременно должен был устроить царь по случаю победы. Правда, по мере продвижения на север, войско, ведомое царем, быстро таяло – уж очень красноречивы были клубы дыма впереди, застилающие горизонт... Вояки норовили нырнуть в придорожные заросли...

Через несколько часов (от войска к тому времени едва ли осталась половина) навстречу стали попадаться беженцы –

жители внутренних районов острова. Они гнали огромные стада коз и овец. Продвижение войска замедлилось, а затем пришлось совсем остановиться, поскольку пастухи и животные перегородили единственную дорогу. Ополченцы сгруппировались в какой-то ложнне, отделеенной от дороги вереницей чахлых акаций, хотя немного останавливающих густую пыль, поднимаемую десятками тысяч копыт. Ингви, наблюдавший за прохождением очередного стада, что-то обдумывал, закусив губу. Воины, довольные остановкой, кучками сидели и лежали на пропыленной выжженной солнцем траве... Наконец демон что-то решил и обратился к царю:

– Их нужно остановить, этих пастухов.

– Что это значит? – удивленно спросил Лучич.

Царь перед этим как раз беседовал с тамейоном о том, что продвинуться к северу не удастся из-за того, что дорога занята, а чуть южнее их путь как раз проходил через подходящую для схватки ложнну, туда и следует отступить и приготовиться к бою.

– Я говорю, что нужно все эти стада развести по окрестным долинам. И пусть ждут сигнала.

– Какого еще сигнала?

– Моего сигнала. Пусть по команде гонят овец со всех сторон на дорогу, когда там появятся северяне. И еще хорошо бы, чтобы сзади тоже побежали эти твари.

– Их заметят, – включился в разговор Липич.

– А мы станем здесь, на холмике – враги увидят нас изда-

лека и не станут лазить по кустам, разыскивая прячущихся пастухов.

– Пастухи не захотят... участвовать в этом... Потерять свои стада... – выложил царь последний аргумент.

– А кто на этом острове царь? – прищурился в ответ Ингви.

* * *

... Наконец на дороге показалась колонна врагов... Заслышав боевые ритмы барабанов и увидев на пригорке войско эманцев, северяне и их союзники с ревом устремились вперед. Липич, насколько это было возможно, выравнивал ряды отданных в его распоряжение вояк; Кендаг, едва успевший расставлять своих вновь собранных лучников по позициям на склонах ближайших холмов, кивнул Ингви; Ингви кивнул Лучичу; тот кивнул еще кому-то... В конце концов все же сработало – со всех сторон на дорогу, занятую вражеским отрядом, хлынули отары копытных. Ингви наконец с облегчением велел барабанщикам замолчать. Этот грохот должен был заглушить рев и блеянье тысяч животных и Ингви этого добился – ценой головной боли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.